

Л. ГААТВИН

ПОСЛЕДНИЙ
ЛОСКУТ
ТИШИНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Л. Гаатвин

Последний лоскут тишины

«Автор»

2026

Гаатвин Л.

Последний лоскут тишины / Л. Гаатвин — «Автор», 2026

Его молчание возбуждает сильнее признаний. Его слабость пугает больше возможной вины. Пять лет назад девушку вокалиста рок-группы Взрыв тишины нашли мёртвой. Дело закрыли. Виктор Лютый продолжил собирать стадионы. Журналистка Мила получает доступ за кулисы три дня рядом с ним. Официально восторженный репортаж. На самом деле шанс узнать, что случилось. Но чем ближе она к правде, тем опаснее становится её собственное притяжение к человеку, которого все считают убийцей.

Психологическая драма с элементами детектива. Для тех, кто ищет честные книги о сложных отношениях, травме и исцелении. В романе затрагиваются тяжёлые темы: насилие, эмоциональная и психологическая зависимость, травма, самоповреждение. Присутствует нецензурная брань. Ключевые слова: психологическая драма, детектив, рок-музыка, сильная героиня, современная проза.

© Гаатвин Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Л. Гаатвин

Последний лоскут тишины

Глава 1

«Мои руки — не мои... Их вёл Чужой и жёсткий размах. В теле — ни страха, ни зол, Лишь... сдавленный воздух — не дышать.»
Виктор Лютнев

АКТ I

Эта книга звучит. Все треки здесь: [OST «Последний лоскут тишины»](#)

Утро в редакции еженедельного журнала «Конструктив» встретило Милу не запахом свежесваренного кофе и приветствием коллег, а ледяным сквозняком и косыми взглядами. Её последняя статья на пять тысяч слов о коррупции в областной думе, которая должна была стать её триумфом, — оказалась не просто ошибкой, а катастрофой. Сенсация провалилась. Ложь, «желтуха», вброс... Угроза судом. Статья превратилась в чёрную дыру, поглотившую не только её репутацию, но и следующий номер с её фамилией на обложке, и тот самый кабинет с окном, о котором она мечтала. Мила не проверила источник. Азарт, жажда скандала, желание быть услышанной — всё это смешалось, затмевая здравый смысл.

Телефон, который ещё вчера разрывался от звонков коллег, чиновников, а может, и тех, кто стоял ещё выше, теперь только беззвучно подрагивал в кармане. Каждая вибрация отдавалась в её болезненным толчком — напоминанием о провале.

Она сидела за своим рабочим столом, чудом не отнятым, но чувствовала себя так, словно её высадили на необитаемый остров. Вокруг шумел океан редакции — а здесь была только она и тишина.

Изгой.

Дверь кабинета начальника — всегда открытая — сегодня казалась границей, которую не переступить. Когда он наконец вызвал её, внутри всё оборвалось. Момент истины. Объявление приговора. Казнь.

Мила медленно взошла на эшафот. Закрывает дверь в кабинет и аккуратно присела на самый край стула.

Александр Петрович, человек, чьё лицо было испещрено морщинами, и чьи глаза, обычно полные деловой энергии, теперь казались выцветшими — как тускнеет зеркало, покрытое пылью. Он взирал на неё, как на провинившуюся школьницу, посаженную на табуретку перед директором. Он не кричал. Хуже. Он говорил чётко, медленно, каждое слово — как удар молота, разбивающий последние уцелевшие остатки её самолюбия.

— Мила, — начал он, — Ты провалилась. Катастрофически. «Пять тысяч слов лжи», как метко выразился один из депутатов. Ты не просто ошиблась, ты подорвала доверие. Не только к себе, но и к нам, к нашему общему делу, к «Конструктиву». Мне стыдно, потому что я верил в тебя. Ты подвела нас, подвела себя. — Его голос был ровным, без надрыва, что делало его ещё более страшным. — Ты — лицо нашего политического отдела. Ты должна быть пуленепробиваемой. А оказалась... — он сделал паузу, смотря куда-то сквозь неё, — ... наивной девчонкой, сыгравшей в «желтуху».

Он сделал паузу, дал ей возможность утонуть в собственном провале. Стыд заливал её щеки багряным румянцем, не давал пошевелиться. Она уже не была той Милой-исследователем, которая могла часами копаться в архивах, выискивая ниточки преступлений, которая чувствовала себя хищником, выслеживающим добычу. Она была пойманным зверем, загнанным в угол, чьи инстинкты кричали «беги!», но ноги не слушались.

— Ты, в погоне за сенсацией, забыла главное правило — проверка точности информации и её источника. Ты забыла, что такое триангуляция данных? Обратный поиск изображений? Ты забыла, что такое ответственность? — продолжал начальник, и каждая его фраза звучала как упрёк в профессиональной пригодности. — Я не могу держать сотрудника, который так безответственно относится к своей работе. Это риск для всех нас. Ты покидаешь отдел «Политика». Но... — он сделал паузу, откинувшись на спинку. — Я даю тебе шанс. Последний. И самый лучший из возможных. — Его взгляд словно проник ей под кожу. — Отдел «Светская жизнь», испытательный срок месяц.

В ушах Милы зазвенело. Хроника светских раутов. Интервью с жёнами олигархов о новых диетах. Репортажи с открытий бутиков. Это не то, к чему она стремилась все эти годы.

— Через четыре дня, на стадионе, будет концерт группы «Взрыв тишины», — начальник покопался на своём столе и протянул Миле папку с материалами. — Моя дочь с ума по ним сходит, вся комната увешана постерами с их вокалистом, как его... Виктор Лютый. Все уши прожужжала, какой он гений. Ха! — Он позволил себе короткую, саркастическую улыбку. — Вот, держи, пресс-релизы и документы от лейбла группы. Нам не нужен анализ их творчества, не нужна история группы. Просто... пара вопросов на пресс-конференции и репортаж с концерта. Поняла?

Мила уже схватилась пальцами за корешок папки, но тело кричало ей бросить эту подачку.

— Александр Петрович, я... — начала было она, но он поднял руку, останавливая её.

— Без «я», Мила. Я даю тебе шанс. Не справишься — уходи из этой профессии. Пять тысяч слов к воскресенью. Свободна.

Мила кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается. Медленно прижала к груди папку с материалами и вышла из кабинета. Она чувствовала его взгляд спиной — тяжёлый, но уже не враждебный. Просто усталый. Мила, вчерашний гений разоблачений, превратилась в прислугу светской хроники.

Она плюхнулась в кресло, оттолкнулась ногой, прокатилась по инерции туда-обратно. Выдохнула. «Взрыв тишины»? Что за группа? Она слышала давным-давно их хит по радио, «Туман», кажется. И всё. Больше в голове не было ничего, кроме этого «тумана». Она — политолог-расследователь, журналист-провокатор, а ей предлагают писать про попсу. Про мальчиков с гитарами. Это было унижением. Это было насмешкой над её карьерой, над её принципами.

Мила мельком заглянула в папку и тут же отбросила её на стол. Грустно взглянула на офис редакции, на коллег, что увлечённо писали свои статьи о биржевых котировках, встречах лидеров большой двадцатки, о нефтяных разливах где-то в океане. Но что-то изменилось. Может, это была усталость, а может, упрямство, которое всегда было её спасительным кругом, а может, просто звериный инстинкт перед лицом опасности. Она не могла больше терпеть поражение. Если это её новый «боевой рубеж», то она обязана была его взять, даже если он был для неё болотом.

Она посидела ещё минуту, глядя в пустоту за стеклом офиса, пока волна унижения не схлынула, уступив место знакомому чувству решимости. Не той, что была раньше — искрящейся и амбициозной, а той, что остаётся на дне, когда всё отнято.

Мила придвинулась к столу, потёрла горячие виски холодными кончиками пальцев и тихо прошептала себе: «Соберись». Этот короткий ритуал помог ей в секунду обрести хлад-

нокровие и начать работать с полной отдачей. Она выложила на стол свой блокнот для заметок, щёлкнула ручкой и провела рукой по обложке папки — строгий чёрный пластик, внутри — аккуратно собранные материалы о рок-группе. Мила, привыкшая к анализу докладов и статистических выкладок, открыла её с тем самым выражением лица, которое обычно предшествует чтению очередного бюрократического опуса — смесь профессионального долга и лёгкой настороженности.

На первом листе — логотип группы: «Взрыв тишины». Не мелодично, не грозно, просто как маркировка на товаре. Но суть не в названии, а в том, что Мила, чьи научные интересы простирались от геополитики до тонкостей электорального права, должна была научиться за несколько часов разбираться в «тяжёлых риффах» и «нежном или грубом вокале».

Снимки. Их было много. Профессиональные. Группа «Взрыв тишины» в полном составе, затем каждый участник крупным планом. Лица, отполированные до блеска. Мила вглядывалась в эти черты, пытаясь уловить хоть каплю подлинности, но находила только безупречную работу стилиста и фотографа. Губы, словно вылепленные для поцелуя миллионов поклонниц, глаза, обещающие бурю страстей или глубокое понимание, — всё было слишком правильным, слишком красивым, чтобы быть настоящим. «Так, — подумала Мила, — вот эта мимика явно рассчитана на формирование устойчивой фанатской любви. В политике бы назвали это «созданием позитивного образа лидера». Здесь, видимо, то же самое, только вместо трибуны — сцена, а вместо обещаний — гитарные соло».

Дальше шли характеристики на каждого участника. Вот он, момент, который должен был растопить сердце любого потенциального фаната. О ритм-гитаристе — «гений саундскейпа, чьи пальцы плетут кружева из дисторшна и меланхолии». О барабанщике — «ритмический стержень, пульс планеты, чья энергия способна перевернуть мир». А вот и вокалист, звезда, причина всего этого шоу. «Харизматичный фронтмен, чьи тексты — это исповедь души, а голос — отражение спектра человеческих эмоций, от хрупкой нежности до первобытного рыка». Всё было «вылизано» до блеска, каждый штрих — для того, чтобы вызвать лавину обожания, чтобы заставить людей влюбиться, не задавая лишних вопросов. Их биографии писали не музыканты, а менеджеры по продажам жизней.

Её внутренний голос, уставший от полуправд и отполированных обещаний, лишь фыркнул.

Далее — пресс-релиз от лейбла, написанный с такой помпой, что казалось, будто «Взрыв тишины» не просто группа, а прорыв в сингулярность музыкального бытия.

Следом шли пара проплаченных статей из глянцевого музыкального журнала.

«Взорвали сцену», «первопроходцы жанра», «голоса поколения» — клише сыпались одно за другим. Тон статей был восторженным, полным эпитетов, способных заставить поверить в ангельскую природу самых что ни на есть рок-дьяволов. Мила пролистывала их со скукой, подмечая, как ловко журналисты обходили острые углы, если они вообще были. Всё было гладко, ровно, прилизано — до последнего слова.

Перевернув последнюю гляцевую страницу, Мила увидела отдельный лист. Это был не пресс-релиз, не заказной рекламный проспект, а список тем, разрешённых для интервью, и, что гораздо интереснее, «стоп-лист». Темы, на которые категорически запрещалось задавать вопросы. Мила пробежала глазами по пунктам, её профессиональный интерес начал медленно пробуждаться. Здесь была настоящая кухня. То, что обычно не показывают.

Мила отложила папку в сторону, откинулась на спинку кресла и зажала в зубах кончик ручки.

«Никакого упоминания о Нине Шебиной». Затем: «Не затрагивать тему лечения вокалиста группы в реабилитационном центре для зависимых».

«Ах, вот оно что», — подумала Мила, позволив себе лёгкую, почти неуловимую улыбку. «Нина Шебина». Загадочное имя, которое, видимо, могло вызвать бурю ненужных ассоциа-

ций. И «реабилитационный центр». Классика жанра. Идеальная «чистая биография», написанная по лекалам, призванная скрыть собственные «грязные секреты». За красивым фасадом, за всеми этими «голосами поколения» и «бунтарями с добрыми сердцами» скрывается нечто, что принято тщательно скрывать. Любая зависимость, которая ставит под сомнение образ идеального героя.

Она перевела взгляд обратно на папку. Рок-музыка. Для кого-то это бунт, для кого-то — эскапизм, а для кого-то — просто ещё один сложный механизм производства образов. Мила когда-то считала, что в музыке, особенно в такой, где есть место рычанию и надрыву, должно быть больше правды, больше той сырой, неуправляемой энергии, которая часто и порождает гениальность. Но теперь даже в этом царстве тяжёлых гитар всё свелось к искусству манипуляции, к созданию фасада, который должен быть безупречным.

Мила подвинулась ещё ближе к столу, быстро начиркала в блокноте имя «Нина» и обвела его несколько раз, прорвав лист кончиком ручки. Кто это? Почему о ней нельзя задавать вопросы? Как повлияла на коллектив? Или была частью группы «Взрыв тишины»? Вопросы сами возникали в голове, словно вспышки стробоскопа. Мила занесла пальцы над клавиатурой ноутбука и ввела в строчку поисковика «Нина Щебина, “Взрыв тишины”». Она уже собиралась нажать «поиск», когда краем глаза заметила фигуру рядом.

— Мила, ну как прошло? — мужской голос, знакомый, нежный, дружелюбный.

Мила не сразу перевела взгляд с экрана ноутбука на мужчину.

— Привет, Дим! — ответила она, и её губы сами расплзлись в приветственной улыбке.
— Не уволили, и то хорошо.

— Оставили с нами?

— Не... — мотнула головой Мила, — отдел «Светская жизнь».

Дима присвистнул и подошёл ближе к столу.

— Ну... работа есть работа, — он запнулся, — после всего...

Мила не ответила и подтвердила запрос к поисковику. На экране появились фотографии темноволосой девушки с ультракороткой чёлкой и агрессивным макияжем.

— И что ты будешь делать в «Светской жизни»? — Дима быстро пробежался взглядом по чёрной папке от лейбла.

— Работать, писать. Что ж ещё. — флегматично ответила Мила.

— Дали задание?

— Ага, — Мила оторвалась от фотографий Нины на экране. — Группа «Взрыв тишины», иду на их пресс-колл и концерт.

Дима от неожиданности дёрнулся, словно от маленького разряда тока, опёрся о край стола и с энтузиазмом подсел напротив. Его глаза загорелись фанатичным огнём.

— Серьёзно?!

— Да.. А что?

— Это же... Это же «Взрыв тишины»!

— Да.. И?

— Блин, я их фанат! Жаль билет не успел купить, за пятнадцать минут всё разобрали. Я, как впервые услышал их дебютный сингл «Встаю на крыло», понял, в нашей рок-музыке всё изменилось. Что, не слышала о них?

— Только «Туман», когда-то давно...

— А... Это... не самый их лучший альбом, — смущённо покраснел Дима. — Как бы это сказать... Более коммерческий. Для девочек.

Мила ухмыльнулась.

— Для девочек, значит.

— Ну да... Звук стал мягче, песни медленнее, тексты о любви. Да и сам Вик изменился.

— Вик?

Дима кивнул.

— Виктор Лютый, вокалист. Вначале он был таким... Своим парнем, в чёрном худи и с горящим взглядом, а потом — второй альбом... Наверное, за них плотно взялся лейбл, и он стал... слащавым, что ли.

— Это как? — с лица Милы не исчезала саркастическая улыбка. Она не понимала, как можно Диме, прожжённому журналисту из отдела «Политика», быть таким инфантильным и переживать, что вокалист какой-то группы стал «слащавым».

— Вик раскачался, ни грамма жира, сделал себе стрижку, чтобы вот чёлка вот так на глаза. — Дима поворошил волосы на голове и скрыл ими лоб. — Но главное — это тексты. Они стали такими личными...

— Личными? Я думала, это ценится в рок-музыке.

— Понимаешь, некоторые откровения надо держать при себе. «Туман» — песня о том, как погибли родители Вика. Она крутая, слезу выбивает. А вот потом... Он стал петь о любви. Как какой-то поп-певец.

— Лейбл заставил, наверное, — вяло протянула Мила.

— Или его эта Нина, будь она не ладна.

Мила быстро взглянула на фотографию девушки на экране. Тёмные глаза на фотографии завораживали своей глубиной. В её лице, немного угловатом и измождённом, была какая-то магнетическая, «ведьминская» красота.

— А кто эта Нина?

Дима на секунду скривился, будто укусил лимон:

— Художница. Или, как теперь модно, — творец. Её искусство — это не только картины, но и скульптуры, инсталляции. Не понимаю такого. — быстро пожал плечами Дима. — Мне вообще кажется, что она вошла в творчество Вика своими сапогами, может даже эти песни о любви и не его вовсе. Но Никита, их ритм-гитарист, молодец, всё исправил на четвёртом альбоме. Снова появился нерв, рок, тяжелые риффы.

Телефон Димы звякнул, он нехотя взглянул на экран и обомлел:

— Ё-мое, — прошептал он. — Ну всё, сегодня не вылезу из редакции. Опять тёрки с Лондоном. Ладно, я пошёл. Скину тебе свой плейлист... Если интересно.

— Кидай, — скучаяще ответила Мила и посмотрела вслед удаляющемуся коллеге.

Она снова вернулась к поисковику. Удалила свой запрос и ввела только имя «Нина Щебина». Каскадом посыпались ссылки. Фотографии с выставок, фото папарацци — её с Виктором. Статьи. Мила опёрлась щекой о кулак и скролила вниз, пока что-то не щёлкнуло внутри. Превью статьи — «Загадочное исчезновение и смерть художницы Нины Щебиной».

Несколько секунд она просто смотрела в экран. Потом, медленно села ровно, взяла в руку ручку и занесла кончик стержня над блоком. Она отрывисто выписывала фразы из статьи.

«Исчезла три месяца назад»

«Найдено обгорелое тело»

«ДНК-анализ подтвердил страшное»

«Главным подозреваемым стал...»

Мила остановилась. Ещё раз вчиталась в абзац.

«Главным подозреваемым в исчезновении и убийстве Нины Щебиной стал её возлюбленный Виктор Лютаев, известный как Вик Лютый, вокалист рок-группы «Взрыв тишины». Пока представители артиста хранят молчание по поводу задержания и допроса Лютаева.»

По спине пробежал холодок. Вот тебе и рок-звезда. Вот и «голос поколения». Мила с отвращением взглянула на папку с вылизанными пресс-релизами. Но почему? Почему его отпустили? Недостаточно улики? Алиби? Вопросы сами рождались в её голове. Она с жадностью читала криминальные сводки пятилетней давности, но не находила в них ответа на свои вопросы. Все статьи обрывались на допросе Виктора. А дальше... тишина. Мила знала, что это

— политики также хоронят истории, которые им мешают. Пока гудит пресса, они решают свои вопросы с нужными людьми, а когда публика забывает о скандале — делают вид, что ничего и не было.

Список стоп-вопросов для пресс-конференции теперь казался ей ещё интереснее. Лейбл вымарывал из сознания фанатов Нину и... возможно, рехаб был лишь поводом укрыть артиста от назойливых журналистов.

Мила откинулась на стуле и зажала губами середину ручки. Да, она видела картину целиком. Рок-звезда убивает свою девушку, а лейбл... не хочет терять актив, золотую жилу. И прячет артиста в рехабе.

Но...

Мила покачала головой сама себе. «Фантазии. Опять фантазии. Хватит. Ты уже однажды полетела в пропасть, поверив в сказку. Пиши про причёски, про гитары. Не лезь. Просто сделай свою работу. Твоё задание — приторная статья о рок-группе, никакой загадки и интриги. Не повтори опять ошибку!».

Мила взглянула на свои записи, на обведённое имя «Нина» и грустно вздохнула.

До пресс-кола оставалось мало времени — завтра утром она спросит о чём-то простом. Отметится, не более. Надо было придумать пару глупых вопросов. И всё. Ничего сложного ведь, так?

Мила снова вернулась к папке. Снова читала вылизанные статьи.

Вопрос о творчестве — самый нейтральный. «Какие ваши планы?», «Как вы готовитесь к концерту?», «Что влияет на ваше творчество?» «Как вы избежали обвинения в убийстве Нины Щебиной?»

Рука сама написала этот вопрос, повинувшись мыслям, что были далеки от простоты. Чернильная строчка легла на бумагу, как обвинительный акт, как приговор её собственному спокойствию.

Глава 2

Спёртый воздух редакции сменился ароматом сладкой выпечки. Мила сама не заметила, как её рабочий день подошёл к концу, рыская по официальным источникам в поисках информации о Нине Щебиной и Викторе Лютом. Она была уже готова восстановить контакт со своим бывшим женихом — помощником прокурора, лишь бы узнать хоть какие-то детали о ходе того расследования.

Она сидела напротив старой подруги, чьи слова рассыпью ярких, но пустых бисерин скачивались куда-то мимо её сознания. Подруги детства, а теперь словно разные планеты, вращающиеся по своим орбитам.

Мила устало мешала трубочкой нетронутый коктейль. Звонкий щебет подружки, рассказы о работе редактором любовных романов, о новых знакомых, о бесконечных мелочах, которые составляли её прелестную, но такую далёкую от Милы жизнь. Её звонкий, жизнерадостный голос эхом отражался от стен, но Мила ловила лишь обрывки фраз. Все её мысли, словно заблудшие мотыльки, кружили вокруг одной, всепоглощающей мысли — нужно копать историю Нины Щебиной.

— ...ты представляешь, там такое платье на ней было, просто кошмар! — Ира вздохнула, заметив, что Мила никак не реагирует. — Милка, ты меня вообще слушаешь?

Мила вынырнула из своих размышлений с лёгкой растерянностью, словно её окликнули во сне. Наступила неловкая пауза. Она отвела взгляд от окна, за которым медленно плыли огни вечернего города, и попыталась сфокусироваться на лице Иры.

— Прости, Ир, задумалась. Что ты говорила?

Ира слегка надула губы, но тут же её лицо расплылось в улыбке:

— Милка, да ты вообще живая? О чём ты думаешь? О провале статьи? Не переживай так, забудут. Какие планы на выходные? Обычно ты как мышка, дома сидишь, работа, работа и ещё раз работа. Теперь хотя бы немного отдохнёшь от своих политиков...

Мила чуть приподняла уголки губ.

— Отдохну... — тяжело выдохнула Мила. — У меня задание от «Конструктива» — иду на концерт группы «Взрыв тишины».

Лицо подруги расцвело. Глаза Иры моментально загорелись:

— Серьёзно?! «Взрыв тишины»? О, боги, Милка! Ты знаешь, я ведь тоже их обожаю! А точнее... — она понизила голос, придвигаясь ближе, — ...обожаю Виктора. Он же просто... ну как можно быть таким идеальным?

Мила лишь устало кивнула, снова погружаясь в себя. Она старалась понять. Правда, искренне старалась — второй человек, с которым она говорила о группе, был восхищён, каждый по-своему — Дима музыкой, Ира... вокалистом. Мила наблюдала за подругой, видя, как её обычно светлые, наивные глаза теперь горели почти фанатичным экстазом. Где-то внутри Милы, в самой глубине, мелькнуло незнакомое ощущение — смесь восхищения и лёгкой усталости от этого всеобщего обожания «голоса поколения».

— Он... он же эталон. Мужской красоты, сексуальности, чувственности, — щебетала Ира, подбирая слова, словно драгоценные камни. — Нет, правда. У нас в сообществе сотни, тысячи коротких видео! Есть целый сайт, где разбирают его пластику по кадрам. Фанаты снимают каждый его концерт, каждую репетицию, каждую секунду. И знаешь, что они ловят? Это просто... — подружка жестиком показала, пытаясь описать то, что, казалось, было понятно лишь ей и миллионам других.

Мила кивнула — она уже видела эти видео, когда готовилась к пресс-коллу. Видела, как камера приближается, как камера не отрывается от него, фиксируя каждое движение тела Вик-

тора, линию шеи, влажный блеск кожи под светом софитов. Глубокий, гипнотический взгляд, который пронзал экран и пробуждал самые тайные желания.

— Каждый его шаг, каждый... — Ира словно продолжила мысли Милы. Она понизила голос, переходя на доверительный шёпот. — Как он... — подруга замялась, подыскивая нужное слово, — ...каждый толчок бёдрами в такт музыке. Это так... Так завораживающе! — Она вздохнула, словно от переизбытка эмоций. — Ты просто не представляешь, какое это зрелище! Это как... как будто он танцует только для тебя. Как будто его тело — это инструмент, который извлекает музыку, и ты чувствуешь каждую вибрацию, каждую ноту, которая проходит сквозь него, сквозь тебя... — Ира прикрыла глаза, явно переживая увиденное заново, — ...о, боги, это просто электрошок. Это словно низкий, глубокий, животный ритм, который ты чувствуешь каждой клеткой своего тела.

Мила усмехнулась поэтичности языка Иры. Вот когда прорывается профессиональный редактор любовных романов — когда её подруга думает о недоступном, отполированном, отрепетированном сотни раз образе мужчины с микрофоном. И вдруг ей стало неловко — не от слов, а от того, как точно они описывали то, что она увидела в тех фанатских видео, но боялась себе в этом признаться.

Мила смотрела на стакан, где застыла тёмная жидкость, отражая её собственное лицо — лицо, на котором читалось сомнение. Она не могла понять. Как? Как можно так сильно хотеть картинку? Как можно видеть в этих механических, выхваченных из контекста движениях ту самую эротику, ту дикую, первобытную страсть, которой, видимо, уже не осталось нигде, разве что в старых, пыльных архивах. В делах об убийствах. В настоящей крови — той, что, возможно, на руках Виктора.

Мила вновь скользнула взглядом к окну. Виктор сейчас где-то в этом городе. Тот, кого обожают миллионы. «Эталон мужской красоты». И завтра она будет сидеть в первом ряду на его пресс-конференции, глядя ему в глаза, зная, что пять лет назад его допрашивали по делу об убийстве.

***

Мила сгущалась за окном квартиры, Мила вертелась в кровати — сон не шёл. Он был вытеснен образами, которые разъедали её сознание, как кислота.

Нина.

Мила прокручивала в голове обрывки информации, словно заношенные лоскуты холста, пытаясь сложить из них цельную картину. Вот Виктор, звезда, кумир миллионов, окружённый ореолом таинственности и магнетизма. А вот Нина — его муза, его тень, его... жертва?

Журналистская хватка, инстинкт, который Мила годами оттачивала, заглушая собственный страх и сомнения, внезапно вспыхнула с новой силой. Она не могла просто лежать и ждать рассвета, терзаясь от неведения. Не её стиль. Не её природа.

Мила поднялась, откинула одеяло, и тело, ещё минуту назад тяжёлое от бессонницы, вдруг налилось энергией — лихорадочной, голодной, той самой, что толкает хищника на след.

Комната была погружена в полумрак, лишь слабый свет уличных фонарей пробивался сквозь щели в шторах, но Мила почти не ощущала темноты. Она чувствовала лишь нарастающее внутреннее напряжение.

Ноутбук на столе. Мила включила его, и экран, осветивший её лицо, стал порталом в другой мир. Раз есть фанаты, которые ловят каждый вздох своего кумира, может, есть и неофициальная версия того, что случилось с его девушкой? Правда, замаскированная под сплетни, слухи — сырьё для открытия.

Она начала свой путь с фанатских рецензий на альбомы «Взрыв тишины», разборы интервью Виктора, где тот сдержанно говорил о «творческом тандеме» с Ниной. Но душа Милы

рвалась глубже. Она нырнула в тематические форумы, в закрытые группы, в самые тёмные уголки интернета, где истина пряталась в шёпote и смайликах.

Её пальцы порхали над клавиатурой, глаза жадно сканировали строки. И постепенно, медленно, но верно, перед ней начала вырисовываться картина, настолько дикая, настолько пульсирующая, что на мгновение ей показалось, будто она сама погружается в эту бездну.

Виктор и Нина. Не просто пара. Не просто творцы. Они были... иконами. Иконами в совершенно особом, закрытом мире. Мире, где границы дозволенного были размыты, где боль и удовольствие сливались в единый аккорд, где тело становилось холстом, а связь — ритуалом. Их творчество, музыка Виктора, оказались не просто набором звуков, а саундтреком к искусству подчинения и доминирования, к страсти, граничащей с жестокостью, к танцу власти и желания, где боль сливалась с наслаждением в единое, неразрывное целое.

Дотошные фанаты всё это время вели своё расследование тёмной связи Виктора и Нины. Мила щёлкала по фотографиям: на одной — Виктор в студии звукозаписи. Его запястье прикрито кожаным браслетом, но под ним алел след от туго затянутого шнура. Тот же шнур, что на снимке Нины в её блоге неделей ранее.

Мила откинулась на спинку кресла.

На другой — Виктор прикрывал воротником объёмного свитера синяк на шее, а в блоге Нины — макроснимок мокрой кожи с красным следом пальца.

Чем глубже Мила погружалась, тем откровеннее становилось полотно тайн. Фотографии, форумы, зашифрованные сообщения — всё указывало на то, что их творческий союз был неразрывно связан с их личной жизнью, где границы между сценой и реальностью стирались безвозвратно. Их стиль, их подача, их тексты — всё было пропитано этой эстетикой. Мила растёрла шею и открыла плейлист от Димы, надела наушники — и провалилась в музыку.

В ушах зазвучала гитара, затем мелодичный стон Виктора, а следом слова:

(сейчас играет: Взрыв тишины - Твой контроль)

«Всё тело — один натянутый нерв.
И в этой дрожи — весь я, мой весь свет.
Ты держишь осколки моего “нет”...
И учишь складывать из них...
ответ...»

Теперь каждый аккорд, каждая нота, каждое слово — всё обретало новый, зловещий и, одновременно, завораживающий смысл. Это не просто музыка, это саундтрек. Саундтрек к эстетике подчинения. Не просто связывание, а архитектурное обездвиживание. Превращение тела в объект, в ландшафт, в проблему, которую решили. Стиль, доведённый до философии. До опасности. Своеобразное искусство, которое стягивало, сковывало, обнажало, создавая из человеческого тела живую скульптуру, полную напряжения и подавленности, красоты и страданий. Искусство, которое они вдвоём превратили в музыку.

Мила поднялась над ноутбуком, оперлась руками на стол, не в силах выдержать и секунды мыслей, что роились в её голове. Вокал, мелодичный и надрывный, продолжал литься через наушники:

«Молчание лопнуло
Тишина умерла.
Больно? Да!
Правда? Да!
Но я стал свободен от себя!»

Это было... завораживающе. И по-своему, жутко вдохновляюще. Мила, далёкая от подобного опыта, почувствовала, как в ней просыпается что-то новое. Любопытство, переходящее в страстное желание понять. Не только мотив, но и саму суть такого существования, такого искусства, такой связи. Она ощутила, как стираются границы между журналистским расследованием и личной, почти телесной реакцией.

Мила почувствовала, как внизу живота стало разгораться пламя. Она закрыла глаза, позволив музыке увлечь её, наклонилась над ярким экраном, и волосы соскользнули вперёд. Она тонула в риффах гитар и пульсирующем ритме барабанов, ловя каждое слово текста песни:

«Мой ответ был слишком тих...
Ты ждала, чтобы я тебя остановил.
Жар по коже. Закрыв глаза.
Продолжай... Делай это, да!»

Образы, как тугие узлы, затягивались в сознании Милы, пережимая остатки спокойствия. Последний аккорд. Тишина. Мила простояла ещё несколько секунд с закрытыми глазами, не желая возвращаться. Всё её тело ещё горело от музыки, кожа помнила воображаемое прикосновение верёвок, низ живота тлел. И на этом фоне маленькой червоточинкой, раздражающим писком, поверх всех эмоций, которые она только что испытала, возник уже не вопрос, а осознание: если Нина и Виктор жили в мире, где грань между удовольствием и болью была условной, где подчинение и власть были формой близости, где опасные игры с телом были искусством... тогда смерть Нины могла быть не преднамеренным убийством, а несчастным случаем.

Эта мысль пронзила её, но вместо того, чтобы успокоить, Мила ещё сильнее распалила внутренний огонь. Случайность. Вот что делало её версию ещё более сумасшедшей. Такая случайность оставляла бы меньше следов, её было бы проще скрыть, представить как трагический, но обыденный исход. И в то же время, это делало Виктора ещё более непредсказуемым, ещё более опасным. Ведь человек, который так легко играет с огнём, может и сам сгореть, утащив за собой других.

Мила прошептала подзаголовок воображаемой статьи. Музыка заглушала её голос, но слова всё равно срывались с губ: «Нелепая, ужасающая ошибка в игре, которая зашла слишком далеко. Трагическая ошибка.»

Мила хмыкнула: «Такое можно написать и про политиков.»

Но её тело, всё ещё помнящее отзвук той музыки, той просьбы в тексте («Продолжай. Делай это, да!»), тут же отозвалось и отвергло эту простоту. Политики умирали от глупости, от жадности, от передозировки. Их игры были грязными и пошлыми.

Здесь же всё было иначе. Здесь была система. Ритуал.

Здесь «да» не могло значить «нет». А «нет» — могло быть самой сладкой частью игры. Смерть здесь не могла быть «несчастливым случаем». Она могла быть только одним из двух: несанкционированным срывом... или кульминацией. Для следствия это был просто труп. Для них — точка в ритуале. Апофеоз. Завершённое произведение.

Мила резко сдёрнула наушники. В ушах зазвенела тишина комнаты, но внутри всё ещё гудело.

«Он не просто мог её убить», — прозвучал внутри холодный голос. — «Он, возможно, сделал это так, как и должно было быть сделано. По всем правилам их страшной, прекрасной игры. И теперь молчание вокруг этого дела — не просто сокрытие преступления. Это — соблюдение последнего ритуала. Замалчивание как форма посвящения.»

И самое ужасное было в том, что часть её, та самая, что только что с закрытыми глазами ловила каждую вибрацию, понимала эту логику.

Её голова была полна образов, которые возбуждали и пугали одновременно. Как она теперь пойдёт на интервью? Как будет смотреть этому человеку в глаза, зная, что, возможно, она докопалась до сути, которая скрывается за фасадом его музыки, за его харизмой? Как задавать вопросы, когда её собственные мысли бурлят от шокирующих открытий и пробуждающихся желаний, которые она не решалась ни признать, ни исследовать?

Интерес к Виктору вырос, перерождаясь в страх перед человеком, чья жизнь, чьё искусство, чья страсть были так тесно переплетены с тёмным, завораживающим миром, куда она только что заглянула. И этот страх перед неизвестным, смешанный с острой журналистской жаждой ответить на свои вопросы, с волнением от новой, запретной информации и тревожное, почти болезненное томление, которое не имело имени, но отзывалось в теле как прикосновение, — это была самая опасная смесь, которую она когда-либо испытывала.

Мила сорвалась с места. Яркий свет, блокнот, ручка — и снова тот же плейлист, та же музыка, но на этот раз Мила выхватывала из неё не образы, не поэтику слов, а то, что за ними стояло — правду, зашифрованную в рифмах. Предвкушение встречи с дьяволом, одетым в костюм звезды, чьи тайны были связаны с пульсирующим ритмом банджа и шёпотом страсти, который она теперь слышала повсюду. Она глубоко вдохнула, чувствуя, как её журналистская жажда — теперь уже совсем иная, почти неузнаваемая — вела её вперёд. И это было её личное, непередаваемое вдохновение. Её рука жадно записывала слова, вдавливая кончик ручки в бумагу. Мила больше не слушала песни, а подбирала шифр.

Глава 3

Голос Виктора, нежный, настойчивый, бархатный, просочился сквозь плотную завесу сна и коснулся Милы. Это был зов, пульсирующий ритмом, который пробуждал не только тело — каждый мускул, каждый нерв — но и то, что она привыкла держать под замком. Когда веки, неохотно подчиняясь неведомой силе, начали подниматься, последние отзвуки мелодии ещё звучали в её ушах, сплетаясь с теплом утреннего пробуждения.

Сознание медленно возвращалось в тело. На экране наручных часов — 8:45. Пресс-конференция в десять. В десять! Весь воздух из груди вышел одним резким, обжигающим выдохом. Сердце упало в живот холодным и тяжёлым комом. Не было времени на панику. Не было времени на страх. Был только этот узкий туннель из одного часа, в конце которого — он — Виктор. И её вопрос.

Она быстро натянула на себя одежду, не глядя, чувствуя лишь гладкость ткани и её прикосновение к разогретой коже. Не было времени на колебания, только на действие.

Прыжок в такси. Барабанная дробь пальцами по колену. Дорога — сплошное размытое пятно, каждая секунда на вес золота.

Прибыв на место, она едва успела заскочить в двери, как увидела суету, характерную для такого рода мероприятий. Впорхнула в зал. Внутри уже кипела жизнь: гул голосов, тестовые щелчки камер, напряжённая энергия. Она скользнула вдоль стены, стараясь не попадаться на глаза. Жёлтый бейдж на груди — единственное, что выдавало в ней журналистку.

Она заняла место во втором ряду, у края — отличная точка обзора на подиум и длинный стол, застеленный чёрной тканью.

И тут её сердце ёкнуло.

За столом сидел не он.

Там были менеджеры, пиарщики. Во главе — менеджер группы, на табличке имя «Константин Громов» — человек с лицом, высеченным из гранита, и взглядом, способным остановить вопрос на взлёте. Он говорил спокойно, но в каждом его слове чувствовалась власть. Он расставлял акценты, задавал тон, направлял бурлящую энергию журналистов в нужное русло. Мила слушала, впитывая не только суть сказанного, но и его подачу. В этом была своя красота — в том, как мастерски человек может управлять потоком информации, управлять людьми, их ожиданиями. Константин говорил о правилах, о временных рамках, о «творческом процессе».

Но Виктора не было.

Мысль пронеслась: «Он не придёт. Сбежит. Как сбежал тогда, после смерти Нины.» Вся её ночная лихорадка, вся эта адреналиновая гонка — могли оказаться пустышкой.

Она прислонилась к спинке кресла, стараясь слиться с ней, и слушала. Слова менеджера долетали приглушённо: «...уважайте личные границы... вопросы только о новом альбоме... Один вопрос от одного издания.» Она услышала это краем уха — и замерла.

Мила достала блокнот и ручку, быстро прошлась взглядом по вопросам, написанным ночью. Какой выбрать? Стерильный, как операционная. О творчестве, о вдохновении, о сложностях пути. Всё, что можно было прожевать и выплюнуть в любом глянце без последствий. Или... Тот, от которого её ладони покрылись холодной испариной, а сердце отбивало нервный, сбивающийся ритм. Вопрос о Нине, завернутый в медовую оболочку. Стоило ли играть с огнём? Внезапное упоминание Нины могло стать взрывной волной, которая либо поднимет её карьеру на невиданные высоты, либо погребёт под обломками — и на выход. На выход из редакции, из журнала, из мира, где она боролась за каждое слово, за право быть услышанной. Незнание пугало. Всё висело на волоске. Всё зависело от того, появится ли он — Виктор.

Пока она растворялась в лабиринте собственных сомнений, металлические двери зала для пресс-конференций распахнулись с глухим стуком справа. Шаги. Громкие, уверенные,

наполняющие пространство предвкушением. Вышли участники группы «Взрыв тишины». А за ними — он. Виктор. Последним, прячась за спинами. Молчаливый герой девичьих грёз, причина бесчисленных вздохов и сердцебиений.

Не идол. Лишь тень.

В лучах софитов, среди благоговейно затихшей толпы, он казался... обычным. Не мифическим божеством, не воплощением рок-бунтарства, а просто мужчина в чёрном свитере с высоким горлом. Аккуратно причёсанные тёмные волосы, лицо правильное, слишком правильное. Скулы острые, взгляд светлый и холодный, губы сжаты в вежливую, нейтральную линию. Только руки — он не знал, куда их деть: то сжимал в кулаки, то прятал в карманы, то поправлял несуществующую складку на свитере.

Она ждала чего-то: давления, харизмы, тока, хоть слабого разряда. Вместо этого — хорошо оплаченная нейтральность. Человек, которого удобно любить издалека и совершенно не за что запоминать вблизи.

«Вот он, значит какой, — подумала Мила. — Икона и мечта. Удивительно, как много шума может производить такая аккуратно упакованная пустота.»

Она поймала себя на том, что ищет в нём хоть что-то, за что можно было бы зацепиться. Шрам, асимметрию, нервный тик, что угодно. Но не находила. Красивый? Наверное. Впечатляющий? Нет. Скорее... простой. Такой, на которого смотришь и не понимаешь, почему вокруг него столько шума. Настолько лишённый того образа, который она, как и миллионы других, рисовала в своём воображении, что это вызвало лёгкое разочарование. Неужто магия развеялась так быстро, не успев даже начаться? Или это только первое впечатление? Обманка? А под ней — то самое, что она искала?

Он не окинул зал взглядом хозяина, когда поднялся на подиум. Но когда он занял своё место и поднял голову, его взгляд на секунду нашёл её. Неброскую брюнетку с потрёпанным блокнотом в руках, сидящую в тени на втором ряду.

Длилось это доли секунды. Потом он откинулся на спинку стула, приняв позу скучающего бога — отрепетированную тысячу раз. Но для неё магия уже была разрушена. Она видела. Напряжение в его плечах. Усталый, обречённый взгляд.

Он не был легендой. Он был человеком, загнанным в угол собственной легендой.

«А что, если...», — промелькнула шальная мысль. — «Что, если сама обычность Виктора — это тоже искусно выстроенная маска, под которой бушует океан страстей, куда более бурный, чем любые рокерские концерты, которые она видела?»

Именно в этот момент он снова посмотрел на неё.

Не мимолётно, не случайно. Намеренно. Его взгляд на секунду сфокусировался на её лице, будто пытаясь прочитать то, что она только что подумала. Он просто смотрел. Как на единственную незнакомую деталь в хорошо отлаженном, но ненавистном механизме.

Потом его взгляд скользнул к её рукам, сжимающим блокнот. К кончику ручки, замершему над чистой страницей. И вернулся к её губам. На долю секунды в его глазах мелькнуло что-то живое. Вызов? Интерес? Мила почувствовала пульс в висках. В кончиках пальцев. В ручке, которую сжимала.

«Спокойно, Мила, — мысленно выдохнула она, чувствуя, как под этим взглядом учащается пульс. — Он просто проверяет толпу. Ищет слабое звено. Не дай ему понять, что это ты.»

Он медленно отвёл глаза, вернувшись к роли скучающего идола. Мила опустила взгляд на блокнот. На два столбца вопросов. Левый — безопасный, мёртвый. Правый — один-единственный вопрос, от которого вчера ночью горело пламя внизу живота, а сейчас покалывало пальцы рук.

Она провела ладонью по левому. Замерла. Перевела на правый.

Её собственный голос прозвучал внутри, чёткий и громкий: «Ты пришла не писать. Ты пришла спросить. Спрашивай.»

Она закрыла блокнот. Ей больше не нужны были записи. Слова были выжжены у неё в памяти, стали частью дыхания.

Пресс-конференция была в самом разгаре. Взгляд Милы скользил по лицам журналистов. Они были сосредоточены, внимательны, каждый искал возможность выхватить самую выгодную деталь, самый сочный факт. Зал гудел вопросами, банальными до зевоты.

«Что вас вдохновляет?»

«Как проходит тур?»

«Готовы к последнему концерту?»

«Когда выйдет новый альбом?»

«Виктор, а у вас есть девушка?»

Каждый звук, каждый полусшёпот, каждая попытка быть замеченным — всё это казалось Миле фоновым шумом. Она записывала ответы, фиксируя на бумаге уже тысячу раз произнесённые фразы. Её рука лёгкими движениями выводила буквы, но сознание уже давно дрейфовало где-то в параллельной реальности, где слова имели другой вес, а взгляды — иную глубину.

Её рука потянулась вверх. Твёрдо, без колебаний. Она поднялась с кресла, ощущая, как тело, до этого тяготившее своей неповоротливостью, вдруг обрело неведомую лёгкость. Микрофон в её руке показался одновременно холодным и обжигающим. Все взгляды на неё. Голос, когда она заговорила, был тихим, но он перекрывал шум фотоаппаратов:

— Издание «Конструктив». Вопрос к Виктору.

Она видела, как уголок его губ приподнялся в лёгкой, многозначительной улыбке. Виктор подвинулся чуть ближе к краю стола. Мила смотрела ему прямо в глаза.

— Виктор. Ваше искусство... оно всегда было на грани. Между болью и экстазом, контролем и срывом. Между жизнью и... её полным отрицанием. Вы и Нина превратили эту грань в эстетику. В ритуал. — Она сделала паузу, наблюдая за его реакцией на упоминание запретной темы. — Скажите, а где та последняя черта, за которой ритуал перестаёт быть искусством и начинает уничтожать тех, кто его совершает?

Слова повисли в воздухе. Мила почувствовала, как к щекам приливает краска. Тишина давила на уши, заставляла сердце биться сильнее. Неловкость окутала её, заставив жалеть о собственной дерзости. Но Мила не сводила взгляд с Виктора. Он медленно приблизился к микрофону — но что-то в нём самом неуловимо изменилось.

Он оглядел её. Медленно, методично, как удивительный, никогда прежде не виданный артефакт. В его взгляде не было ни раздражения, ни удивления — только спокойное, глубокое внимание. Его глаза сейчас смотрели прямо на неё, словно проникая в самую глубину, куда она никого не пускала. Он прочистил горло — и этот простой звук стал сигналом.

— Хороший вопрос, — начал он, медленно растягивая слова. Его голос был спокойным, словно вся эта история с его музой никогда не была запретной темой. — Нина... — он запнулся. Сглотнул. — Она была...

— Следующий вопрос! — резко оборвал Виктора менеджер и щёлкнул пальцами, указывая на журналиста рядом.

Мила так и осталась стоять, прижимая к груди свой блокнот. А Виктор смотрел ей прямо в глаза, и этот взгляд был якорем, приковывающим её к реальности, которая вдруг стала невероятно личной. Сотни людей вокруг перестали существовать. Остались только они двое, связанные этой нелепой, но такой важной суетой, разорванной одним вопросом и одним невысказанным ответом.

Пресс-конференция закончилась. Группа удалилась, журналисты собирали аппаратуру. Мила всё так же сидела в кресле, не в силах подняться. Внутри неё всё протестовало — она совершила ошибку. Задала неудобный вопрос, о котором узнает Александр Петрович. Она

могла написать статью прямо сейчас, здесь. О том, что группа «Взрыв тишины» потрясающая, о том, что Виктор — необыкновенен и о том, что концерт — это событие века, даже не побывав на нём.

Кто-то тронул её за плечо. Мила обернулась и увидела девушку из команды менеджера группы.

— С вами хотят поговорить. — вкрадчиво шепнула она на ухо Миле.

— З-зачем? — опешила Мила.

— Следуйте за мной, — девушка не просила, она уже указывала путь к дверям, где скрылись участники группы.

Мила собрала вещи, перекинула куртку через локоть и пошла за девушкой.

— Что это за цирк? — менеджер стоял в дверном проёме, заслоняя собой свет из коридора. Его тон был спокойным, почти вежливым. Сигарета в его руке не дрожала. Он изучал Милу, как бухгалтер изучает подозрительную статью расходов. — «Конструктив»? Не видел тебя раньше. Новенькая?

— Константин, меня прислали... — выдавила Мила, чувствуя, как под его взглядом её собственная уверенность тает.

— Знаю, зачем прислали, — перебил он, сделав лёгкую затяжку. Дым струйкой вырвался в пространство между ними. — Прислали писать о концерте. О музыке. О впечатлениях. А не пересказывать «желтуху». Поняла?

Он сделал шаг вперёд, сократив дистанцию. От него пахло дорогим одеколоном и терпким табаком.

— Твоя статья будет о концерте. Яркая, восторженная. И в ней не будет ни одного намёка на прошлое Виктора. И тогда, возможно, мы забудем этот инцидент. В противном случае, — он пожал плечами, — твой редактор получит звонок. Поверь, после разговора со мной он предпочтёт проститься с одним неопытным журналистом, чем лишиться всех будущих пресс-пакетов от нашего лейбла. Ясно?

Мила кивнула, чувствуя, как этот кивок предаёт все её принципы, но другого выхода нет.

Константин сделал ещё одну затяжку и быстро сбросил очередной звонок, не глядя на экран телефона.

— Слушай сюда, — его голос стал тише, ядовитее. — Внимательно слушай. Мне, честно говоря, плевать, кто ты и что ты там нарыла. Но после твоего выступления в зале пошли... лишние разговоры. Нужно это заткнуть. Ты напишешь блестящий, восторженный репортаж из-за кулис, и все забудут про твой сегодняшний экспромт. Это не приглашение. Это — работа над ошибками. — Он произнёс это слово так, будто оно было ему противно. — Ты пробудешь с группой три дня. Будешь освещать «рабочие моменты» перед концертом. Получишь доступ за кулисы, на саунд-чек, в гримёрки. Всё, что нужно для твоей светской, восторженной статьи.

Он сделал паузу, дав ей понять, какие именно эпитеты он ждёт.

— Это не предложение. Решай сейчас. Ты будешь там, где посторонних не бывает. Но если ты хоть раз свернёшь не туда... — Он не договорил. Всё и так было ясно.

В голосе менеджера не было интереса. Был ультиматум. И где-то за его спиной, в полумраке коридора, Миле почудилось движение. Чёрный силуэт, прислонившийся к стене. Виктор наблюдал и слушал. Мила вытянула шею, пытаясь разглядеть его.

— Но почему? — выдохнула она, обращаясь больше к той тени, чем к человеку перед ней. Константин хохотнул, коротко и сухо.

— Почему? Потому что так решили. — Он сделал шаг в сторону, окончательно открывая ей вид на коридор. Силуэт Виктора больше не прятался. Он стоял, скрестив руки, его лицо было скрыто в тени, но Мила чувствовала его взгляд на своей коже. — Три дня. Ты покажешь миру, как мы «творим». Как «готовимся». Всё честно, всё по-настоящему. Ну, почти всё. Главное — правильный фокус. Ты же понимаешь о чём я?

Мила кивнула. «Правильный фокус» — значит, писать только о том, что покажут, о чём разрешат — согласованная статья. А значит, самое главное останется за кадром.

Мила перевела взгляд с тени Виктора на ухмыляющееся лицо менеджера. Внутри всё сжалось.

— Мне надо... — начала Мила, и её голос предательски дрогнул. Мысль о звонке Александру Петровичу, о новом унижении, о том, как он раздражённо бросит: «Решай сама» — словно игла пронзила её. Она не могла вернуться к нему за разрешением. Не после того, как она уже зашла так далеко.

Мила чуть помедлила с ответом, переводя взгляд с Константина на тёмный силуэт в коридоре. Виктор ждал.

И в этой тишине, под взглядом Константина — циничным, оценивающим — и Виктора — тёмным, бездонным, её страх внезапно переплавился во что-то иное. Она уже сделала свой выбор, когда подняла руку в зале. Всё, что было после — лишь формальности.

— Ладно, — выдохнула она. — Три дня. Договорились.

Миле показалось, что Виктор едва заметно кивнул ей и снова скрылся в глубине коридора.

Глава 4

Утро следующего дня в холле отеля «Ля Гранд» было соткано из мягкого света, пробивающегося сквозь высокие окна, и лёгкого гула голосов. Этот утренний свет, однако, лишь подчёркивал некоторый сумбур в голове Милы. Ещё вчера она металась по квартире, собирая вещи, чтобы на три дня стать частью команды под названием «Взрыв тишины». Мила знала теоретически, что у группы есть целый штат сотрудников, но стоя здесь, среди этого слаженного, безликого муравейника, с маленькой дорожной сумкой в руках, она осознала: «Взрыв тишины» — это не группа. Это — корпорация. Со своим уставом, иерархией и бездушной эффективностью. Политические структуры, которые она изучала годами, рядом с этой машиной выглядели любительским театром.

Мила посмотрела на часы над ресепшеном, ощущая себя песчинкой, занесённой сюда случайным порывом ветра. Как она вообще здесь оказалась? Вместо редакции — закулисье, вместо утреннего кофе с Димой — она сама часть этого механизма. Желание докопаться до правды перевешивало даже страх — тот, что сидел в животе и не давал дышать.

Не успела она в очередной раз убедить себя, что делает самую большую глупость в жизни, как рядом с ней появилась уже знакомая девушка — помощница Константина.

— Мила! — прозвучал приятный, чуть мелодичный голос. — Константин уже ждёт вас в переговорной. Здесь, на первом этаже. Можете отдать мне свои вещи, я отнесу их в ваш номер.

Кивнув, Мила нехотя отдала дорожную сумку и прошла к непрозрачным стеклянным дверям, ощущая на себе взгляды нескольких человек.

Стеклянная дверь отозвалась звоном — тонким, почти музыкальным. Мила толкнула её и вошла в небольшую, но роскошную переговорную, где за круглым столом, заваленным бумагами, сидел Константин. Одной рукой он раскуривал сигарету, другой — листал документы. Его вид излучал спокойную уверенность, такую, которая приходит с годами практики управления хаосом.

— Мила, рад, что вы смогли присоединиться, — произнёс он, жестом приглашая её присесть. Его голос был деловитым, лишённым всякого намёка на неловкость или, наоборот, на чрезмерное радушие.

Мила села напротив него, рядом уже лежали три папки. Документы, которые, как она быстро поняла, были ключом к её временному присутствию в этом странном мире.

— Для начала, — продолжил Константин, приглашая Милу открыть первую папку, — нам необходимо оформить ваше соглашение о неразглашении. Стандартная процедура, само собой. Учитывая специфику нашей деятельности и, скажем так, чувствительность информации, которую вы будете иметь возможность получить, это — неременное условие.

Ну разумеется! Мила машинально взяла первый лист. Типографский шрифт, сухие юридические формулировки, растягивающиеся на три страницы. Фразы «специфика деятельности» и «чувствительная информация» повторялись так часто, что теряли смысл. Всё это было так расплывчато, что могло означать что угодно — от государственной тайны до планов по завоеванию мира.

— Это очень важный документ, — тихо добавил Константин. — И нарушение его условий... последствия могут быть весьма неприятными. Для «Конструктива» и лично для вас, Мила. Мы очень щепетильно относимся к репутации. Всё понятно?

Мила почувствовала, как по спине пробежал холодок. Но вместе со страхом внутри вспыхнуло и другое, знакомое чувство — охотничье возбуждение. Они так старательно выстраивали эти юридические стены. Значит, за ними действительно было что-то стоящее. Она взяла протянутую Константином ручку. Кончик стержня дрогнул всего на секунду.

— Всё понятно, — сказала она, её голос прозвучал удивительно спокойно. Она поставила подпись.

— Отлично. — Константин забрал документ, даже не взглянув на подпись. — Следующий документ — дополнительное соглашение о порядке проведения интервью и съёмки.

— Съёмки? — Мила подалась вперед, едва не опрокинув стул.

— Да, — устало протянул Константин. — Александр Петрович согласовал ваше участие в съёмках интервью с участниками группы.

Мила провела рукой по волосам — вчерашним, сбившимся в дороге.

— Не переживайте, мы не выпустим вас в кадр без мейк-апа. Ох уж эти женщины... — процедил Константин себе под нос. — Вернёмся к порядку вашей работы для «Конструктива».

Мила пробежалась глазами по самому, что ни на есть техническому заданию. Всё было расписано по минутам и строго регламентировано. Президентов меньше оберегают, чем рокеров — чёткий список помещений, куда доступ Миле был открыт. Она стиснула челюсть: гримёрка — только в присутствии менеджера и только по расписанию. Далее следовал уже знакомый список разрешённых и запрещённых тем. И конечно же... право финального утверждения статьи. Константин мог отредактировать материал до публикации.

Мила откинулась на спинку стула. Бумага в её руках казалась не документом, а повязкой на глазах и кляпом во рту, упакованными в юридическую форму. Они купили не её время. Они купили её молчание и её перо. И самое отвратительное — они купили это с её собственного согласия. С её подписи.

«А как ты, дура, думала? — язвительно прошипел внутренний голос. — Что они впустят тебя в своё логово и позволят рыться там, где хочется? Ты теперь не охотник. Ты придворный летописец. И тебе покажут только то, что сочтёт нужным король.»

Константин, наблюдавший за ней, снова заговорил:

— Это всего лишь формальности. Каждый журналист, которого мы допускали, подписывал такие документы.

Мила ещё раз прошла глазами по тексту, ища брешь в стройной логике машины шоу-бизнеса. Да, разговаривать с группой ей можно было только с согласия Константина, обсуждать только темы из списка, но...

Мысль возникла словно молния, освещая тёмный коридор её отчаяния яркой, опасной полосой. Группа не заканчивалась на четырёх музыкантах. Были ещё помощники, осветители, звукорежиссёры, водители, технари... Армия «невидимок», которые годами наблюдали за всем со стороны. Они видели то, чего не видят камеры. Были свидетелями той истории с Ниной. Не подписывали с Милой соглашений. Не охранялись менеджерами. Слабое звено.

На лице Милы появилась тень улыбки. Ей бросили вызов, заперли в клетку правил. Отлично. Значит, она будет играть по этим правилам. Снаружи. А внутри — начнёт рыть подкоп. Она поставила ещё две подписи.

— Вот и славно. — Константин уже перебирал следующий документ. — Это ваш график на эти дни.

Всё завертелось с такой бешеной скоростью, что Мила едва успела поставить подпись под очередной стопкой бумаг, как её тут же унесло в водоворот подготовки к концерту. Мир вокруг превратился в калейдоскоп из спешащих людей, гудящего оборудования и бесконечных списков задач. Её расписание, выданное менеджером, гласило, что через час начнётся серия личных интервью с каждым участником группы. Под камерами. Каждый — по отдельности.

У Милы внутри всё сжалось. Свет. Микрофоны, направленные не на кого-то другого, а на неё. Она существовала в тишине между строк. Оказаться самой в центре внимания, на виду у всех казалось ей пыткой.

Уже через полчаса после встречи в переговорной Мила сидела в кресле стилиста. Вокруг неё сновали люди, превращая её из обычной журналистки с невымытой головой в глянцевого

продукт. Подкрутить ресницы, чуть блеска на губы. Волосы? Выпрямить и придать объём. Одежда — реквизит. Бирки не снимать.

Номер, отведённый под интервью, пытался выглядеть уютным арт-пространством: мягкие кресла, приглушённый свет, пара модных картин на стенах. Мила заняла своё место на дизайнерском стуле, позади неё — оператор и звукорежиссёр, о существовании которых она старалась забыть. На её коленях лежал список с вопросами, составленными менеджером, и пустой блокнот для её собственных, более личных заметок.

Первым был Никита. Ритм-гитарист, основной аранжировщик, тот самый, кто, по словам Димы, «всё исправил» после Нины. Белые волосы, четкая линия челюсти, идеальная кожа — и глаза, которые смотрели на Милу так, будто уже знали о ней всё. Он говорил гладкими, отполированными фразами о «поиске идеального звука», манерно поправляя пряди у лица, но взгляд оставался холодным, оценивающим.

Мила кивала, задавая дурацкие вопросы, но её мозг работал на другом уровне. Она смотрела не в глаза, а на его руки. На длинные пальцы, которые, по легенде, «плели кружева из дисторшна». На них не было колец. На внутренней стороне правого запястья, под браслетом из кожи, она разглядела следы старой татуировки. Сведённой лазером. Что там было? Имя? Инициалы?

Пометка в блокноте: «Никита. Гладкий как стекло. Свёл тату. На запястье. Не смотрит в глаза, когда говорит о новом звуке четвёртого альбома»

Затем — Марк, барабанщик. Взрывной, как ураган — пальцы всё время что-то выстукивали: по колену, по столу, по подлокотнику. Он сыпал шутками, но когда Мила, играя в благодарную слушательницу, спросила: «Должно быть, безумная энергия была на тех концертах... с Ниной в качестве вдохновительницы?» — он хохотнул и на секунду запнулся:

— Э-э-э, да, весело было, — отмахнулся он и тут же перевёл разговор на новые барабанные педали.

Пометка в блокноте: «Марк. Шумная машина. Замолчал при упоминании Нины.»

Алексей, басист, был молчаливой скалой. Из него слова надо было тянуть клещами. Когда оператор ушёл на перекур, Мила якобы нечаянно уронила ручку рядом с Алексеем. Он молча поднял её, и их пальцы соприкоснулись. Его рука была холодной и влажной от пота. Он быстро, исподлобья, посмотрел на неё — в глазах была та же пустота, что у Виктора на пресс-конференции.

Пометка в блокноте: «Алексей. Флегма. Труп.»

Мила чувствовала, как день высасывает из неё последние силы. Холодная струйка пота скользнула по позвоночнику под реквизитным шёлком, а улыбка, которую требовал режиссёр, сводила скулы. Часы шли, вопросы по листку сменяли друг друга, голоса сливались в один, но она упорно продолжала свою работу. Она не смотрела в камеру, сосредоточившись на своём блокноте, на мимолётных жестах, на интонациях, которые выдавали больше, чем слова. Она искала настоящих людей за глянцевыми обложками.

Оставался последний, самый главный рубеж — Виктор.

Он сел напротив. Спокойно ждал, пока техник поправит микрофон на лацкане его пиджака. Отпил воды. Его движения были вялыми, почти сонными. Взгляд — долгий, поверх камеры за плечами Милы. Ему, казалось, было некомфортно — лёгкая отрешённость, как будто он наблюдал за всем со стороны.

Громкая команда:

— Пишем.

Его лицо тут же преобразилось, как по щелчку кнута. Безразличие испарилось, словно его и не было. Взгляд, секунду назад пустой, сфокусировался на Миле с такой интенсивностью, как если бы она была единственным человеком во вселенной. На губах появилась улыбка —

не широкая, но обезоруживающе искренняя. Он наклонился чуть вперёд, всем телом демонстрируя готовность слушать. Он стал «Виктором Лютым» — прямо у неё на глазах.

И он ждал. Ждал её первого вопроса — той самой реплики, которая запустит этот безопасный танец.

Мила почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Лист с «правильными» вопросами внезапно показался ей детским лепетом. Она не могла играть с этим... явлением. Она должна была либо полностью сдаться и стать частью этого спектакля, либо...

Она посмотрела ему прямо в глаза, в эти теперь живые, внимательные глаза, и задала свой первый, разрешённый вопрос. Но она задала его не тем тоном, каким должна была. Не восторженным, не подобострастным. А ровным, тихим, почти интимным.

— Виктор, здравствуйте, — начала Мила, заглядывая в листок. — Ваши аранжировки для альбома... они просто невероятны. Как вам удаётся сочетать такие казалось бы несочетаемые элементы?

Виктор улыбнулся, и это была тёплая, грустная улыбка.

— Спасибо. Я просто пытаюсь услышать музыку, которая звучит внутри. Она не всегда громкая, иногда это тихий шёпот...

Он ответил на вопросы о своих любимых композиторах, о влиянии классики на рок-музыку, но его слова были наполнены такой глубиной, что Мила, забыв про предостережение менеджера, чуть изменила следующий вопрос.

— Виктор, — начала она, и в наступившей тишине её голос прозвучал отчётливо. — В пресс-релизе сказано, что новый альбом — это «возвращение к истокам». Что именно вы подразумеваете под «истоками»? Тот самый сырой, неотполированный звук, который был до?.. Или нечто иное?

Она сделала микро-паузу, дав слову «до» повиснуть в воздухе. До чего? До славы? До Нины?

Виктор улыбнулся, театрально провёл пальцами по подбородку и заговорил:

— Группа — живой организм, проходила несколько этапов становления. От юношеского задора, поисков себя, до переосмысления. Можно сказать переизобретения. Конечно, я говорю сейчас не только и не столько о группе, сколько о нас, о нашей семье «Взрыв тишины»...

Мила быстро делала пометки: «Становление. Этапы». Он говорил не о группе и творчестве, он говорил о себе.

— Вы говорите об этапах... — Мила вернулась к его первым словам. — Какой альбом, или точнее этап, был самым тяжёлым для вас лично?

Виктор отпил воды, Мила заметила, что на секунду его рука дрогнула. Она задала верный вопрос.

— Наверное, четвертый альбом, лично для меня был самым... Самым трагичным. Я повзрослел, осознал, что не всё бывает так хорошо, как хочется или кажется.

— Стоп! — скомандовал режиссёр.

— Что такое? — Мила резко обернулась к нему, её захлестнула ярость. Они подошли к самому краю, к живому нерву, и этот идиот в наушниках всё испортил.

Режиссёр даже не взглянул на Милу и обратился к Виктору.

— Тон интервью — дружеский. Лёгкий, — режиссёр говорил только с Виктором, Мила была невидимой. — Это не исповедь у психоаналитика.

— Да, конечно, — тут же, безропотно согласился Виктор. Улыбка вернулась на его лицо, и на левой щеке проступила ямочка, которую Мила раньше не замечала. Идеальная, отрепетированная нежность. Он был фарфоровой куклой. Но в его глазах, когда он встретился с её взглядом, она прочитала усталую насмешку.

— Хорошо, — сказала она, возвращая своему лицу нейтральное выражение. — Продолжим в... дружеском тоне.

Она вернулась к списку и задала следующий вопрос — самый дурацкий. Кажется, о любимом цвете.

Она проговаривала слова, но её мозг лихорадочно работал. Он дрогнул. Он сказал «трагичный». Это было искренне. Значит, под маской звезды сохранился человек, которого заставляют улыбаться и говорить о цветах.

И тогда она поняла свою новую задачу. Разбудить куклу. Заставить её вспомнить, что она человек. Хотя бы на минуту. И сделать это можно, только если она сама перестанет быть журналисткой и станет... кем?

Когда интервью, наконец, закончилось, и камеры выключились, Виктор мгновенно сник. Улыбка спала, ямочка исчезла. Он потянулся к стакану с водой, его рука снова едва заметно дрожала.

Мила не стала сразу уходить. Она знала: Константин может войти в любую секунду, но осталась.

Она медленно собирала вещи, давая техникам уйти первыми. Потом подняла глаза и тихо, почти шёпотом — чтобы слышал только он, сказала:

— Я с вами согласна. Четвёртый альбом — трагичный. В нём слышно, как кто-то пытается кричать, но у него перерезаны голосовые связки. Спасибо за... искренность.

Мила развернулась и пошла к выходу. Она не обернулась, но чувствовала его взгляд между лопаток. Это был не взгляд куклы. Это был взгляд человека, которого только что узнали.

Она вышла, гордясь своей дерзостью, но у двери остановилась. А вдруг это был просто ещё один акт — и он дал ей ровно ту «искренность», которую разрешил Константин?

Глава 5

После изнуряющих сессий интервью Мила едва добралась до номера. Быстро ополоснулась и стянула мокрые волосы в тугую хвост. Сверилась с расписанием. Обед. Техническая репетиция. Отель. Мила послушно кивнула.

Она подумала о стадионе. Там контроль слабее. Там она сможет наблюдать за Виктором издалека. Мила быстро собрала рабочую сумку и спустилась в ресторан.

В ресторане пахло жареной рыбой, кофе и чем-то цитрусовым. Милу усадили за дальний столик, который был специально выделен для «невидимого фронта» — тех, кто всегда остаётся за кадром, но без кого ни одна звезда мира шоу-бизнеса не проложит себе и метра пути. Здесь были водители, техники, менеджеры по логистике, и одна девушка из команды стилистов, чьё имя Мила пока не запомнила.

Задача — слушать, запоминать, не вмешиваться. Это была внутренняя, журналистская разведка, что-то вроде сбора материала для личного дела, в котором каждое слово — золото, а каждая неловкая пауза — бриллиант.

Мила кинула сумку на свободный стул, села сама, но спиной не касалась спинки — будто ждала удара. Годы работы в политике научили: если ты не свой, тебя съедят за завтраком. Её соседка, стилистка с короткой розовой чёлкой и руками, покрытыми татуировками, оценивающе на неё посмотрела.

— Мы не успели познакомиться. Алина, — бросила она, не отрываясь от тарелки.

— Мила. Издание «Конструктив».

Алина отложила приборы в сторону и представила соседей по столику. Имена слились в один гул — Федя, Даниил, Леля. Кто они? Мила пыталась сопоставить, запомнить калейдоскоп профессий и лиц.

— Приятно познакомиться, — Мила выдавила из себя что-то вроде улыбки, ещё раз окинув взглядом свою разношёрстную компанию.

— Будешь по пятам ходить за ребятами? — с улыбкой спросил Федя.

— Наверное, — неуверенно ответила Мила.

— У тебя нет расписания? — Леля включилась в разговор.

— Есть, но оно достаточно размыто. Я до сих пор не поняла, как умудрилась сюда втереться, — сказала Мила, разглядывая меню без интереса.

Алина с Лелей переглянулись. В этом взгляде было что-то от секретного клуба, куда Миле билет не выдали.

— Втереться? — фыркнула Алина, отодвигая тарелку. — Да тебя сюда на руках внесли. Женя, ассистентка Константина, вчера до трёх ночи твоё досье в систему вбивала. Так что не скромничай. Кому-то ты очень приглянулась.

Мила стусевалась и пожала плечами.

— Да наверняка Никите, — тихо хмыкнул Даниил, разминая плечи. — У него типаж — голубоглазые брюнетки.

— Ага, точно. Мила же — «холодное лето»! — Леля кивнула.

— Или Марку, — ответил Федя, не отрываясь от котлеты.

Алина смотрела на Милу, не моргая. Выжидала.

Мила сделала глоток кофе, поставила стакан. Голос прозвучал ровно, почти невинно:

— А может, Виктору?

Повисла тишина. Смешки оборвались. Даниил замер с вилкой на полпути ко рту. Даже Федя поднял глаза.

Леля фыркнула, и напряжение лопнуло.

— Ага, конечно, — Алина почесала узоры на своей руке, но взгляд её стал ледяным. — Фанатка, что ли? Он тебе по фото в журнале приглянулся?

«Провал, — промелькнуло у Милы. — Слишком прямо». Но отступить было поздно.

— Я? — Мила сделала удивлённые глаза. — Нет... Просто когда Константин приглашал меня, Виктор стоял рядом. И был такой... внимательный. Подумала, может, это его идея.

К столу подбежала Женя, и все взгляды теперь были обращены к ней. На глазах Милы проявилась чёткая иерархия.

— Ребят, я на секунду: кофе поью и обратно за телефон. — Женя быстро подвинула сумку Милы и села на край стула. — Это полный... чёрт, дала же себе аскезу не материться. Короче, грузовик с аппаратурой попал в аварию. Сейчас надо подогнать второй.

Федя встрепенулся:

— Только не говори, что инструментам — кранты.

— Не... — мотнула головой Женя, — Слава Богу, с инструментами всё в порядке.

— Мы тут гадаем, как Мила к нам попала. — Алина хитро улыбнулась.

— А вы не знаете? Это была очередная «гениальная» идея Вика. — закатила глаза Женя. — Вчера срочно пришлось менять все планы. Подвинуть фониатора, чтобы сделать видео-интервью. Костя до сих пор вносит правки в расписание. — Женя устало взглянула на Милу — причину своего нервного истощения.

— И как Константин Дмитриевич мог согласиться? — задумчиво протянула Леля.

Женя тяжело вздохнула, её взгляд скользнул по Миле, затем по команде.

— Процесс пошёл. Торг. Виктор настаивал, Константин пошёл навстречу... как часть общего пакета. — Она говорила, подбирая слова, будто обходила минное поле.

Мила замерла, стараясь даже не дышать громко.

— Что уже решают? Ведь ещё один альбом... — Федя нахмурился.

— Простите, а что за торг? — Мила пыталась уловить суть.

Женя вытерла влажные губы салфеткой.

— Следующий альбом — последний по первому десятилетнему контракту. А дальше... — Она снова посмотрела на Милу, и в её взгляде читалась усталая жалость. — Дальше новый договор. Или... Ну, вы понимаете. Но обычно все подписывают. Условия-то хорошие.

Она не стала говорить про «права на мастер-записи» и «выплаты» при Миле. Это было бы уже слишком.

Женя встала из-за стола и поправила блузку.

— Не вижу причины не подписать. — Она посмотрела на телефон. — Чёрт, они уже поели. Всё, ребят, увидимся на площадке.

«Последний альбом... Торг... И я часть торга?» — пронеслось у Милы в голове. Она сжала край стола, чтобы пальцы не дрожали. Но промолчала. Вопросы задавать рано. Сначала — слушать.

Женя бегом вышла из ресторана, оставив после себя напряжение.

— Ну вот, — хмыкнула Алина, — теперь ты знаешь больше, чем половина команды. Только не вздумай цитировать нас.

— А если процитирую? — тихо спросила Мила.

— Тогда мы скажем, что ты сама всё выдумала, — засмеялась Леля.

— А что ты вообще делаешь? — Даниил смотрел на Милу прямо. Видимо, его тоже заинтересовало, почему журналистка с улицы стала «частью пакета».

— Моё задание — написать статью о группе и о закулисье. Как идёт подготовка к заключительному концерту. Провести интервью с каждым участником. — Мила не стала скрывать свои обязанности. — Честно, я обычно только пишу. А тут... меня в кадр поставили.

— Я тебя умоляю, — закатила глаза Алина. — Тебя вставят в самое начало и в конец видео. Улыбочка, блестящие глазки, и всё. Декорация.

— Я не о том... — Мила никак не могла растопить лёд между собой и Алиной, хотя заметила, что после слов Жени, остальные сменили своё отношение. Леля протянула Миле хлебную корзину — впервые за обед. Даниил кивнул, будто говоря: «Ладно, ты не сумасшедшая фанатка». Только Алина всё так же смотрела исподлобья, пальцами барабана по запястью. — Я не о том, как я смотрелась в кадре. Меня интригует другое. Обычно для декорации берут модель, меня же позвали как журналиста. Вот и интересно — зачем?

— А есть разница? — пожала плечами Леля. — Мы не паримся, привыкли. После забега за гидрокостюмом и марципанами в три часа ночи по зимнему Архангельску, уже не задаём вопросов.

Мила поперхнулась кофе и рассмеялась.

— А ещё был случай. Мы были, как говорится, в полных пердях, — Даниил наклонился к Миле чуть ближе. — Марк попросил купить ему новый кардан. Нормально? Единственный кардан, какой был во всем городе — это тракторный. Ну, я ему из запасов принёс, сказал, что новый.

— А Алексей? И его — «я не в ресурсе» по любому поводу. — Подхватила Алина. — «Надень эту футболку» — «Я не в ресурсе». «Посмотри наверх, чтобы я могла накрасить нижнее веко» — «Я не в ресурсе».

— Надеюсь, он справится... А то у нас половина аранжировок на нём висит. — протянул Федя.

— С чем справится? — заинтересовано спросила Мила.

— У него ребёнок родился на два месяца раньше срока. Ему бы с семьёй быть...

Мила поняла, что отстранённость и вялость басиста на интервью были не только от усталости, но ещё и от переживаний; что он был там, сидел и отвечал на глупые вопросы Милы, а сам хотел быть рядом со слабым дитя. Она вспомнила свою запись: «Алексей. Флегма. Труп». А он просто хотел быть в больнице рядом с малышом, который боролся за каждый вдох, держать в руках крошечную ладонь. Стыд обжёг горло сильнее кофе.

— Хорошо, что есть Никита. — добавил Даниил. — Если Алексей совсем расклеится, то Ник всегда знает, что делать.

Все за столом согласно закивали головой.

Леля развернулась к Миле, поясняя:

— Никита душка. Единственный адекватный, как по мне. Всех прикрывает, всем помогает. Вот в прошлый раз у меня игла в костюме сломалась, так он полчаса искал запасную в своих чемоданах, пока я новую не принесла. Мужик, что надо.

«Идеальный образ. Слишком идеальный.» У Милы зашевелился профессиональный нерв.

— Наверное, с ним все в ладах, — осторожно спросила она, наливая себе воду.

— Все кто хотят — в ладах. Он же «рабочая лошадка». Без него они бы развалились еще пять лет назад, после... — Алина внезапно замолчала, откусила кусок хлеба и сделала вид, что её интересует соус. Но пауза висела в воздухе — после чего? После смерти Нины?

Мила не стала давить, давая ребятам снова заговорить.

— Не то что Виктор. — Леля откинулась на спинку стула и ослабила ремень на джинсах. — Ни эмпатии, ни теплоты.

— А чего ты хотела? Он всегда такой. — Федя кивнул, вытирая руки о футболку с логотипом «Взрыв тишины». — Даже когда он в студии, там тишина гробовая, хоть молитву читай. Вик — он как будто сам по себе. Оторванный.

Мила сделала мысленную пометку: «Виктор. Закрытость. Оторванность от коллектива.»

— Вот именно! — подхватила Леля. — Мы же все вместе в тур ездим. Мы, блин, живые! А он... как будто из стекла сделан. Трогать страшно. А потом ещё и эти капризы! Ну, знаете, эти его... «особые требования». Однажды попросил, чтобы воздух в гримёрке был «мятным».

Чтобы никакого постороннего запаха. Я, как дура, бегала по отелю, искала, где мятный воздух взять! Пришлось туалетный освежитель с туями распылять в коридоре!

За столом раздался смешок. Мила изогнула губы в подобии улыбки, но её мысли уже мчались дальше. «Особые требования» — это было прекрасно. «Мятный воздух» — это уже почти заголовок. Но главное, что эти сцены, эти нелепые прихоти, они иллюстрировали... что? Что он больной? Что он зазвездился?

— Нина обожала мяту. Пила только чай с мятой. Может, он... ностальгирует? — Федя покрутил в руках пустую кружку.

Мила напряглась всем телом. Вот оно! Слова Феде врезались в сознание Милы. Всё встало на свои места с пугающей, механической точностью. Это не каприз. Он требовал запаха Нины. Даже после её смерти.

Она почувствовала приступ внезапной тошноты.

— Да ладно, не романтизируй! — ухмыльнулся Даниил, пытаясь стряхнуть повисшую тишину. — Просто у чувака крышу рвёт. Как и у всех. Когда Нина умерла? Пять лет назад? Хочешь сказать этот придурок до сих пор по ней скучает?

Федя пожал плечами и встал из-за стола:

— Автобус уже ждёт. Мила, ты с нами? Или у тебя отдельная тачка?

— Никакой тачки. Я часть вашей команды.

— Это мы еще посмотрим, — еле слышно отозвалась Алина, собирая салфетки со стола.

За разговорами с Лелей и шутками с Федей и Даниилом, дорога до стадиона показалась Миле слишком короткой. Никакой новой информации она не узнала — ни о Викторе, ни о Нине. Но ей удалось влиться в компанию «невидимок», стать своей буквально за десятки минут. Она не просто улыбалась и механически поддакивала, она раскрывалась, не таясь, рассказывала о работе — напряжённо, но с улыбкой.

На стадионе уже кипела жизнь. Ребята тут же влились в стройный рой, каждый знал, что он должен сейчас делать. Мила осталась одна посреди пустого стадионного поля, чувствуя себя микроскопической. Сквозняк из открытых ворот трепал её волосы, обхватывал шею. Она поёжилась и достала из сумки свой блокнот.

На сцене было полно народа. Не только члены группы, которые проигрывали разные отрывки песен без вокала Виктора. Музыка взрывалась и затухала, не имея разрешения. Тяжёлые риффы сменялись мелодичным соло, словно из разных композиций. Барабаны звучали вообще не впопад — Марк дал волю своей энергии и лупил по томам как ненормальный. Удары кардана, возможно того самого из «пердь», били прямо в грудь. Тяжёлый, будто злой бас Алексея упрямо полз своей дорогой, игнорируя сбивчивую скачку барабанов. Гитара Никиты пыталась навести мосты, её ритмичные аккорды звучали как одинокий, разумный голос посреди этого хаоса, но его тут же забивали и топтали. Техники, настройщики, осветители медленно прохаживались по сцене, о чём-то громко спорили, пытаясь перекрыть музыку. До Милы доносились лишь обрывки фраз в коротких паузах между какофонией звуков.

«...не вытянем этот прожектор, я же говорил!..»

«...а где Вик? Ему надо пройти по меткам!»

«...скажи Косте, что без подписи мы аппаратуру не ставим...»

Мила быстро записала в блокнот свои ощущения: «Живой, пульсирующий улей, где кажется, что все сходят с ума, но по своему, идя лишь к одной цели... заключительному концерту». Мила зажала зубами кончик ручки и еще раз перечитала заметку.

«Улей? Слишком поэтично, для “Конструктива”, Александр Петрович зарубит эти фразы...»

— Пишешь? — голос Константина из-за спины. — Вечером скинь Жене свои наработки. Мила со злостью захлопнула блокнот и развернулась.

— Мы договаривались: вы согласовываете готовую статью.

Константин смерил её долгим взглядом и заорал куда-то в зал:

— Женья, тащи Виктора! Надо отстроить микрофон и пройтись по точкам. Камеры установлены. — потом он понизил голос, обращаясь снова к Миле. — Женья скинет тебе на телефон свою почту.

Не дав Миле ответить, Константин развернулся на каблуках и пошёл в сторону звукорежиссёра.

Мила раздражённо выдохнула. «Ничего не поделаешь, придётся давать Жене наработки, если она хочет остаться здесь. Улей как раз сойдёт.» Мила хмыкнула и направилась прямо к сцене. Фиксировать, запоминать — всё, что увидит.

Музыка снова оборвалась. Мила подняла голову от блокнота. На сцене уже стоял Виктор. Режиссёр шоу показывал ему жестаи, где будут находиться камеры. Виктор смотрел в пол, лишь изредка поднимая взгляд. Он быстро кивнул, подошёл к микрофону и тихо произнёс:

— Раз. Два. Раз. Два.

Его уставший голос остановил пульсацию Марка. Никита подтягивал струны колками. Алексей проверял сообщения на телефоне.

Голос из динамиков — звукорежиссёр попросил Виктора пропеть строчку песни.

Виктор прижался всем телом к стойке микрофона, обхватив её пальцами, и а капелла пропел:

(сейчас играет: Взрыв тишины - Самый страшный аккорд)

«И я сжимаю холодные струны,
Вместо твоей горячей кожи.
Они впиваются в ладонь, даря
холодные ноты,
Острые нити нашей оборванной
дрожи.
Ты просто испарилась.
Просто — нет.
И в этой тишине —
мой пустой ответ.»

Его голос эхом заполнил стадион и стих. В наступившей тишине Мила аккуратно вывела слова в блокноте: «Холодные струны, твоей кожи».

— Хорошо, — опять заговорил звукорежиссёр в динамиках. — Тот же отрывок все вместе.

Виктор кивнул Никите, быстро взглянул на Алексея и оглянулся на Марка.

Четыре удара палочками. Музыка взорвала стадион. Несколько секунд пульсации по всему телу. И снова падение в тишину.

— Отлично. Теперь со второй гитарой, — скомандовал звукорежиссёр.

На сцену быстро вышел Федя и помог Виктору перекинуть ремень гитары через плечо. Виктор кивком поблагодарил Федю и сыграл пару аккордов с Никитой.

Несколько секунд и Виктор снова был у микрофона. Отсчёт барабанщика. Виктор зажал аккорд и закрыл глаза.

(сейчас играет: Взрыв тишины - В ту ночь)

«Я снова и снова
Пытаюсь понять
Зачем я так делал
Тебя ранил опять

Вспышка, срыв —
Не холодный расчёт
Прогнал тебя зная,
Ты — проклятье моё...»

На этот раз Виктор пел с надрывом, его чистый голос сменился криком, а звук гитар стал плотнее.

Мила тут же записала: «Вспышка, срыв». Вместе с наступившей тишиной, в её голове раздался писк. Снова тот самый писк осознания — вся лирика Виктора была пропитана болью и переживаниями. Слово «проклятье» ударило в грудь, как удар баса. Она сжала ручку так, что пластик хрустнул. Он не называл Нину святой. Он называл её проклятием. Это было настолько личное, потаённое, что даже после песен о любви к Нине, это звучало как откровение. В плей-листе от Димы не было этих треков. Нужно было узнать сет-лист, чтобы уже в отеле, в тишине, снова разобрать лирику на молекулы.

Участие Виктора на этой репетиции было окончено. Нестройные ноты снова полились из колонок. Он вместе с режиссёром прошёлся по меткам на сцене, останавливался и находил взглядом объективы камер. Его глаза не горели, как тогда, на личном интервью — сейчас он был словно выключен, в режиме ожидания. Мила подметила, что когда вокруг только рабочая команда, в Викторе не было и тени идола. Несколько раз пройдя по сцене он сошёл с неё, сделал пару шагов в сторону Милы. Сквозняк принёс запах его духов — терпкий и сладкий. Мила позволила себе украдкой насладиться этим ароматом. Он остановился, развернулся, заложил руки за голову и посмотрел на сцену глазами зрителя.

Вот он какой, без прикрас. Уставший мужчина в чёрном свитере на голое тело, оценивающий свою клетку. Кричавший о проклятиях и горячей коже, сейчас просто стоял, заложив руки за голову. «Где грань? Кто из них настоящий? Или оба — части одной страшной мозаики.» — записала Мила в блокноте.

— Никит, выходи чуть вперёд! — крикнул Виктор гитаристу. — Да, еще шаг ближе. Сделайте метку, — приказал он кому-то из персонала.

Виктор обернулся на режиссёрскую и крикнул через весь стадион:

— Марку в глаза не светите!

Осветитель тут же перенаправил яркий пучок света в сторону.

Виктор кивнул и встретился взглядом с Милой:

— Ну как тебе?

Простые слова от которых у Милы перехватило дыхание в груди. Она не ожидала, что Виктор, увлечённый работой, обратит на неё внимание.

— Пока сложно судить, — ответила она на его вопрос.

— Да... верно. — Виктор снова развернулся к сцене и наблюдал за тем, как Никита о чём-то спорит с Марком, показывая тому на рабочий барабан.

— Марк никак не может запомнить последовательность квадратов, — куда-то в сторону сказал Виктор.

— Квадратов? — Мила сделала шаг ближе к нему.

— Да, песня делится на квадраты. Ты же не из музыкального издания?

— «Конструктив». Пишем в основном о политике и экономике.

— Вот оно что... — ответил Виктор. — Бизнес?

— Да. — Мила сделала еще один шаг.

— В принципе, мы ничем не отличаемся от какой-нибудь компании, которая продаёт станки.

— Это я уже поняла, подписывая ворох бумаг, — Мила ухмыльнулась.

Виктор тихо засмеялся.

— Константин взял тебя в оборот, да? Это он лихо делает. Не переживай, если хочешь, я поговорю с ним, чтобы ослабил хватку.

В голове снова мелькнуло: «я — часть торга».

— Не надо, это нормально. — Мила постучала по листу блокнота. — Могу я спросить?

— Только не о моём любимом цвете, пожалуйста. — Виктор снова улыбнулся.

— Нет. Почему я здесь? Женя сказала...

— Да, это я тебя позвал. Твой вопрос... был очень классным, правда. Свежим глотком воздуха... — Он сделал паузу и снова посмотрел на сцену. — И в голове тут же щёлкнуло...

Она не услышала окончания фразы. Музыка снова взорвала стадион.

Она сделала еще один шаг, привстала на носочки. Её губы почти коснулись его уха. Она почувствовала, как его кожа дрогнула под её дыханием — будто он не привык, чтобы кто-то подходил так близко. Она крикнула, не слыша собственных слов:

— Я не расслышала!

Виктор склонился над ней и ответил:

— Я хотел, чтобы именно ты сделала последнее интервью со мной.

Мила сжалась вместе с последним аккордом. Снова наступила тишина. Виктор отстранился, забрав с собой тепло своего тела.

— Последнее? — переспросила Мила.

Он пожал плечами:

— Да, перед перерывом, перед записью нового альбома... — Виктор нахмурился.

— Но у меня нет списка вопросов...

Он устало вздохнул и отвёл взгляд.

— Думаю есть. Увидимся завтра за обедом. Ресторан под крышей отеля. Обед, в то же время, что и по твоему расписанию.

Женя подбежала к Виктору и протянула ему бутылку с водой, будто знала, что ему надо попить. Затем что-то сказала на ухо, он ответил кивком и последовал за сцену, мимолётно обернувшись.

Мила снова осталась одна посреди огромной, звонкой пустоты. Гул в ушах от недавней музыки сменился давящей тишиной, в которой эхом отдавались его слова. Через 36 часов здесь будет реветь толпа, но сейчас пространство давило на виски, как вакуум.

Она быстро черкнула на листе: «Он. Завтра. Крыша. Обед. Последнее. (подчёркнуто трижды)»

Мила подняла взгляд на сцену. Никита снял ремень гитары с плеч и мельком посмотрел на Милу. Улыбнулся и помахал. Она ответила тем же и снова вернулась к записям и своим мыслям:

«Последнее интервью. Не «эксклюзивное», не «большое» — последнее. Значит, после него — тишина. Уход? Исповедь? Или что-то более окончательное? Он ищет не журналиста. Он ищет свидетеля. Обед под крышей. Возможно он готов сказать то, чего не должен слышать никто, кроме меня.»

Мила посмотрела на часы. Внутренний секундомер, сорвавшись, заплясал. Такое упустить нельзя. Возможно удастся узнать, что случилось пять лет назад. «Он сам лезет в петлю. Моя задача — не спугнуть. Мне нужно только слушать и записывать. Каждое слово. Каждую паузу. Каждый взгляд.»

Глава 6

Мила не снимала наушники уже несколько часов. Она подряд слушала дискографию группы «Взрыв тишины» и песни Виктора. Были и сольные — она не знала. Их звучание отличалось мелодичностью, чувственностью в голосе и аранжировках. Виктор шептал, протяжно пел и использовал такие вокализы, за которыми, если убрать музыку, оставался только звук — не то стон, не то вой. Но главным была лирика. Она словно нить связывала его музыку — и в группе, и в сольных песнях — с его собственной жизнью. Он не таился, не прятался за фасадом пафосных четверостиший без смысла.

Мила вырвала лист из блокнота и расчертила его на 5 колонок. Первый альбом «Встаю на крыло», тот самый, что по мнению Димы, коллеги Милы, всё изменил в нашей рок-музыке. Бодрящие, энергичные песни с задорным, ещё юношеским вокалом. Сколько было Виктору, когда вышел этот альбом? Мила сверилась с информацией в интернете. Девятнадцать лет. Вся лирика была о том, что он наконец-то победил, исполнил свою мечту. «Оптимизм.» — Мила вывела это слово в столбце первого альбома.

Она включила заглавный трек:

(сейчас играет: Взрыв тишины - Встаю на крыло)

«Я взял пропуск в мир иных огней!
Мы больше не никто, мы — по ту
сторону дверей!
Пусть говорят: “Везёт!”,
Пусть шепчут: “Не твоё!”
Я взял своё шальной, голодной
рукой!»

Вот она — чистая радость. Самовосхваление без стыда. В столь юном возрасте стать частью огромного лейбла.

Второй альбом назывался «Шрамы», который открывала одноимённая песня.

(сейчас играет: Взрыв тишины - Шрамы)

«Мои шрамы — это ноты!
Я играю по рубцам!
Каждый удар по струнам —
это имя моё.
Боль!
Музыка — не спасение!
Это — мой клинок!
Я выжил, чтобы выплеснуть этот
ужас в рок!»

Она переслушала песню ещё раз и поняла, почему лейбл поставил «Туман» в радиоэферы, а не эту. «Шрамы» были слишком честными. Слишком неудобными.

Мила выключила запись и несколько секунд сидела молча.

Она думала, что ищет улики. А находила — человека. Который в восемь лет потерял всё и вместо того, чтобы сломаться, научился превращать боль в звук.

В середине альбома стояла песня «Туман» — та самая, которая взрывала чарты семь лет назад. Грустная, меланхоличная, очень личная. Мила откинулась на спинку кровати и закрыла глаза. Сиплый, тёплый голос вкрадчиво пел:

(сейчас играет: Взрыв тишины - Туман)

«Открыл глаза и никого.
Латекс рук, писк проводов.
Горячо... слишком холодно...
Вокруг туман, разлучивший их со
мною»

А следом короткий разбег и музыкальный взрыв:

«Я ОРУ: МАМА, ПАПА, БРАТ!
Утираю кровь с лица.
Я ХОЧУ, ЧТОБ ОНИ ВНОВЬ ОТКРЫЛИ
ГЛАЗА!
Но вижу лишь... туман...»

Пальцы похолодели. Виктор пел о том, как потерял семью. Автокатастрофа. Детский дом. Ком подступил к горлу. Совсем ещё ребёнок, он потерял всё, но уже через одиннадцать лет стал звездой. Теперь самовосхваление на первом альбоме не казалось ей просто юношеской бравадой. Это был его личный прорыв!

Мила потёрла глаза и смахнула с щеки одну единственную слезу. Она включила третий альбом — «Контроль». Знакомые гитарные переливы, давящий саунд. Музыка, от которой в прошлый раз её кожа покрылась мурашками. Она прибавила громкость. Звук обволол её, втянул в себя, как вязкая, тёплая смола. Вокал Виктора приобрёл те самые интимные, хриплые нотки, от которых слова о натянутых нервах, о том, что можно всё и всё нельзя, становились сладкой пыткой.

Мила сделала музыку ещё громче, мелодия увлекала — простотой, грязным звуком, от которого мокла спина, а щеки разгорались огнём.

Она пыталась что-то записать в третью колонку, но кончик ручки выскальзывал из мокрых пальцев, оставляя на бумаге не слова, а нервные зигзаги — в такт сердцу, музыке, его голосу:

(сейчас играет: Взрыв тишины - Тайное послание)

«Твой сладкий стон,
Обжигающая боль.
Мягкая ладонь на шее...
Я прошу...
Молю: Еще...
Чтобы мы с тобой улетели.
Тонкая грань...
Между “нет” и “да”
Я прошу...
Молю: Еще...
Чтобы раствориться навсегда.»

Во рту пересохло. Током по всему телу воспоминание: как дрогнула его кожа, когда её губы были рядом с его шеей, как она кричала, не слыша своих слов, утопая в музыке стадиона. Она почти коснулась его.

Почти. Это «почти» сейчас жгло её сильнее любого поцелуя. Она провела языком по губам — сухо, шершаво.

Мила закрыла глаза. Остался лишь голос Виктора. Он пел только для неё. В её голове возник его образ в тени коридора, после пресс-кола. Лица не было видно, но силуэт — она помнила каждую линию. Плечи, изгиб спины, то, как он стоял, прислонившись к стене — ждал её.

Она сжала бёдра — плед смялся под ней, ткань натянулась между ног, создавая давление, которого было мало и слишком много одновременно. Провела рукой по груди. Быстро скользнула дрожащими пальцами под футболку, обвела подушечкой вокруг соска, который тут же отозвался — твёрдый, набухший, требующий.

«Тишина обрывается...
Скрипом пружин...»

Она представила, как скрипит кровать под ним.

Под ними.

Пальцы сами нырнули к внутренней стороне бедра. Утонув в себе, Мила провела по складке — не прикасаясь, только дразня. Медленно, по контуру. Кожа там была горячей, влажной, живой. Она почувствовала его дыхание где-то рядом. Или это был воздух из кондиционера? Нет. Это он. Его вздох.

В наушниках зазвучало замедленное вступление. И вновь его голос:

«Нежная кожа
Горячие губы...»

Она уже не лежала на кровати.

Она растворилась в темноте коридора. Музыка в наушниках стала глухой, далёкой.

Тень отделилась от стены, перестала быть просто силуэтом. Мила вдохнула — и тень соприкоснулась с ней. Сначала под кожу: мурашками от шеи вниз, горячей волной по позвонкам. Потом — тяжестью на груди, будто невидимая ладонь накрыла её, сжала — и отпустила. Мила выгнулась навстречу пустоте, но пустота оказалась плотной, тёплой, живой. Она чувствовала вес — там, где тело сжимается в ожидании, где низ живота тяжелеет, когда рядом тот, кого хочешь.

Мила ускорила.

И тут же остановилась.

Тень нависла над ней.

— Ты... — выдохнула она в потолок.

Тень не ответила. Но она знала: он слышит. Он здесь.

Мила сжала свою грудь — сильнее, почти до боли, представляя, что это его ладонь. Пальцы впились в кожу, оставляя следы.

— Пожалуйста, — шепнула она.

Тень наклонилась ниже.

— Ещё... — снова, голосом хриплым от желания.

И тогда тень коснулась её.

Мила нашла ритм. Пальцы кружили — быстрее, теснее, на грани. Она слышала в паузах влажный звук, и он казался чужим, неприличным, но она не могла остановиться. А тень

стягивала невидимыми верёвками её колени, вжимала бёдра в матрас, не давая вырваться из этого круга. Она дёрнулась — тень надавила сильнее. Она замерла — тень ослабила хватку, погладила, разрешая.

В наушниках заиграло соло. Она слышала его сквозь шум крови в висках — каждый длинный, тягучий звук гитары совпадал с движениями пальцев. Когда гитара затихала — она замедлялась. Когда звук нарастал — пальцы пульсировали быстрее, настойчивее. Музыка вошла в неё. Без спроса. Тень вошла в неё. Без остатка.

— Виктор... — выдохнула она, впервые называя его по имени.

И тогда она представила — его лицо над собой, лёгкую улыбку на губах, ясный взгляд серых глаз. Он смотрел на неё сверху вниз — не как кумир на фанатку, а как мужчина на женщину, которую берёт.

Голос из наушников:

«Молчи...
Не надо слов...»

И одновременно — шёпотом, у самого виска, горячим дыханием:

— Ты часть торга.

С последними ударами барабанов и гулом баса Мила запрокинула голову, застонала. Звук вырвался сам — не сдержат, не спрятать, не сделать тише. Бёдра качнулись навстречу пустоте, навстречу ему — всему, что не случилось днём. Внутри накатывали волны, которые никак не хотели заканчиваться. Ритм разогнанного сердца заглушил последний аккорд гитары. Тело сгорало от пульсирующего жара.

Она лежала, раскинув руки на смятом покрывале. Не открывала глаз — боялась: если откроет, он исчезнет. Влажность белья была единственным доказательством того, что фантазия была реальнее, чем этот безликий номер.

Она улыбнулась в темноту.

Следующая песня включилась сама. Она отличалась по аранжировке, но слова были теми же. И вдруг — в паузу между его строчками вплёлся другой голос. Женский. Тихий, почти невесомый. Нина.

Мила резко поднялась на локтях, кровь отхлынула от головы — в ушах зазвенела пустота. Она сорвала наушники, но голос продолжал звучать из их маленьких динамиков.

Виктор кричал от боли. Нина шептала — и в этом шёпоте была такая уверенность, будто она держит верёвку. Интимно, губы почти касались микрофона, даря ему каждое придыхание:

(сейчас играет: Виктор ft. Нина - Тайное послание)

«Тайный ритуал...
...моих желаний.
Я растворяюсь...»

Её голос был молодой, чистый, но в этом шёпоте была не эротика, а что-то другое. Полное подчинение? Или наоборот — абсолютная власть? Мила впиалась взглядом в экран: «Тайное послание (демо-версия, студийная запись)». Не альбомный трек. Черновик. Значит, они были в студии вдвоём. Ночь, красная лампочка «ИДЁТ ЗАПИСЬ», и он заставляет её шептать эти строки. Или она сама... Нет. Шёпот был слишком ровным, слишком... управляемым.

Мила схватила мышку дрожащей рукой, чтобы остановить запись, но палец замер над кнопкой. Она слушала голос той, кого больше нет. И этот голос звал её ближе, завлекал, сводя с ума.

К концу песни голос Нины стал сиплым. Они по очереди с Виктором зачитывали строчки:

«Шёлковый шнур
Развязан.
Твоя кожа солёная
От слёз или от меня.
Молчи...
Не надо слов...
Просто дыши...
На... мне...»

Мила вскочила с кровати и включила свет в ванной. Открыла кран над раковиной. Звук воды заглушил мелодию песни. Горячие ладони под ледяной струёй. Быстро растёрла лицо и посмотрела на своё отражение в зеркале — покрасневшие глаза, горящие щеки.

«Что со мной происходит? Это работа. Только работа. Он — объект. Я — журналист.»

На ватных ногах она вернулась в комнату и отрывистым движением нажала пробел на клавиатуре. Гитарные риффы умолкли. Мила сделала глоток воды. Села на кровать и поставила ноутбук на колени. Прокрутила список песен. Ни до, ни после дуэта с Ниной не было — одна единственная песня — откровенная, эротичная, личная. Приоткрывающая дверь в спальню двух людей с их же согласия.

Мила посмотрела на свои записи в блокноте. Взгляд выхватил слова, записанные на саунд-чеке: «Вспышка. Срыв». И тут же в голове зазвучало окончание фразы «Ты — проклятье моё».

Эта песня, исполненная на саунд-чеке, была на четвертом альбоме — «Фантомная боль». Вышедшем через полгода после того, как нашли изуродованное, обгоревшее тело его музы.

Мила стянула с волос резинку, почесала кожу головы и снова надела наушники. Мелодии предпоследнего альбома вновь зазвучали ритмично, стройно. Никакого грязного звучания, как на третьем альбоме.

Композиция, которую Виктор пропел а капелла на репетиции — про холодные струны и жар кожи. Мила вслушивалась в слова — это была песня человека, тоскующего по пропавшей.

Она выписала на листок окончание припева:

«Ты просто испарилась... тебя уже
нет.
И в этой тишине — мой пустой
ответ.»

Эти слова раздваивались. «Испарилась» — сама, ушла, исчезла. «Тебя уже нет» — кто-то убрал, сделал так, что её не стало. В этих строчках было и недоумение, и знание.

Мила записала вопрос: «Когда написана эта песня?»

Альбом вышел уже после того, как нашли тело. Значит, либо болезненная стилизация, либо... насмешка. Признание: он уже тогда знал, что её нет.

Чудовищная игра: на сцене он вкладывал фанатам в уши полуправду, они принимали её за метафору, а он получал удовольствие от безнаказанного намёка на её смерть.

И тут же ответом на все возникающие вопросы заиграла песня «В ту ночь». Мила делала пометки:

«Нина... я так боялся, что ты
уйдёшь...
Что сам тебя оттолкнул в ту

ночь...»

Тихо, доверительно. Шёпотом. Это была песня о вспышке гнева, о ссоре, разрушающей крепкую пару, и о том, как он винит себя за это. Это не крик «Я убил!». Это стон — «Я виноват!».

В ту ночь случилось нечто большее — то, что он не может назвать даже в песне? От этой мысли Милу передёрнуло. Это признание собственной слабости, которое повлекло за собой страшное?

Мила пробежалась глазами по сет-листу предстоящего концерта. Пара хитов, в том числе, и песни написанные о Нине — он сам их включил в список или его заставили? Большинство песен с последнего, пятого альбома «Идиот».

Глаза Милы выхватили название — «Артист». Она включила песню, и заиграл ровный ритм барабанов, пульсирующий, зацикленный звук гитар, и хриплый голос Виктора:

(сейчас играет: Взрыв тишины - Артист)

«Отдавал всего себя!
И получал
лишь скорбь. Моя
судьба предрешена.
Я ненастоящий...
Я — артист.
Я — статист.
Я ненастоящий...
Я погиб.
Белый лист.»

Она выдохнула. Вот оно. Разгадка его «потухшего взгляда». Пустая оболочка. Продукт, доведённый системой до состояния выжженного поля. «Я погиб» — не о физической смерти. О смерти личности. Его «последнее интервью» — это финальный акт этого спектакля, после которого занавес для персонажа по имени «Виктор Лютый» закроется навсегда. Не будет нового контракта. Не будет новых песен. Он уже решил, что его время на сцене истекло.

Логично. Жестоко. Правдоподобно. И — профессионально интересно.

Мила записала в блокнот: «Кризис аутентичности. Конфликт личности и бренда. Нового контракта не будет».

Ручка скользнула по бумаге, оставляя чёткие буквы. А внутри — комок, который не имел названия. Только тяжесть. Тягучая усталость. Она закрыла ноутбук, осознав, что наконец-то нашла фокус для завтрашнего разговора.

Ложась спать, она повторила про себя, как мантру: «Он — объект исследования. Только объект. Повторяй это, пока не поверишь. Сложный, травмированный — как и многие».

И лишь где-то на самом дне, под этим слоем её анализа лирики Виктора, копошилось что-то неприятное и цепкое. Слово «погиб» не хотело укладываться в рамки метафоры. Оно било слишком прямо. Но Мила отогнала эту мысль. Усталость. Слишком много музыки за один раз. Нужно спать.

Глава 7

Утром Мила чувствовала себя разбитой. Кофе не бодрил, разговоры с «невидимками» не отвлекали. Она должна была быть энергичной, воодушевлённой предстоящим обедом с Виктором, но чувствовала лишь пустоту. Ей хотелось, хотя она боялась себе в этом признаться, побыть в номере, надеть наушники, выкрутить громкость на максимум и слушать третий альбом Виктора на повторе. Она не могла довольствоваться лишь музыкой, звучащей по памяти в её голове. Она хотела слышать её и ощущать физически, хотела утонуть в том звуке — и именно поэтому боялась этого желания. Потому что журналист не должен хотеть раствориться в своём герое. А она уже чувствовала, как граница стирается. Так и становятся преданными поклонниками артистов — чувствуют непреодолимое желание постоянно соприкасаться с их творчеством.

До обеда у неё было задание — короткая заметка о «невидимках», о тех, кто делает шоу. Она быстро поговорила с водителями, осветителями, сделала фотографию звукорежиссёра рядом с пультом, посмотрела в видискатель огромной камеры на кране. Быстро написала короткий очерк и отправила его Жене.

Посмотрела на часы. Через час — личное, «последнее» интервью с Виктором. Самое время выстроить вопросы, чтобы не только раскрыть человека за «погибшим артистом», но и попытаться подобраться к истине о Нине чуть ближе, при этом не спугнуть своего главного подозреваемого.

Она сидела в лобби отеля в огромном кресле, полностью сосредоточившись на своих записях в блокноте.

— Мила, привет, — Алина встала над ней, закрыв собой серый осенний свет от окна.

— Привет, — ответила Мила, не подняв взгляда.

— Слышала, у тебя сегодня встреча с Виктором.

— Да, интервью.

Алина села в кресло напротив и упёрлась локтями в колени.

— Это он предложил или Костя?

Мила поняла, что поработать ей не удастся. Она захлопнула блокнот с одной мыслью: «Я тебе не нравлюсь, ты мне — тоже. Спрашивай и уходи.»

— Виктор.

Алина хмыкнула и потрепала свою короткую розовую чёлку.

— Слушай, скажу как есть. Ты в погоне за лучшим материалом не дави на него, а? Завтра концерт. И ему надо быть собранным. Полный солд-аут, тридцать тысяч человек. Понимаешь, о чём я?

— Не очень. Я делаю свою работу, ты свою. Какая тебе вообще разница?

— Вик мой друг. Понимает он это или нет. Я с ними с самого начала. Ещё с детдома, сечёшь?

В глазах Милы появился живой интерес.

— Ты тоже сирота?

Алина хмыкнула.

— Можно сказать и так. При живых родителях. Короче, не наседай на него. Он и так уже очень давно лишь тень самого себя. А тут ещё эти непонятки с лейблом. Не хочу, чтобы он был не в форме. Всем остальным плевать, но не мне. Будь с ним... не знаю... Помягче что ли. Я видела, как тебя заинтересовала тема Нины, вчера за обедом. Ты, наверняка, знаешь все эти слухи о... наклонностях их отношений. Если хочешь, я могу рассказать о ней, вечером. Но для Вика, Нина была не просто девушкой. Она была у него главной. Доминанткой. — она

произнесла это слово так, будто сплюнула. — Любое нелепое, глупое замечание о ней может его разбить. Понимаешь?

Слово «доминантка» упало в сознание Милы и отозвалось гулким эхом, сталкиваясь с обрывками ночных догадок.

Голос Нины с демо: «Тайный ритуал... моих желаний». Виктор исполнял её волю. Даже в песне — она диктовала правила. Значит, их отношения были... структурированными. Иерархичными. Но в том шёпоте была и покорность. Где же тут правда? И как всё это связано с её смертью?

Мила попыталась скрыть вспыхнувший в глазах интерес, поджав губы.

— Я не буду задавать глупых вопросов. Я своё дело знаю.

— Ага. — протянула Алина. — Надеюсь, ты меня поняла.

Алина не дала Миле ответить, резко встала с кресла и поправила кожаные штаны на узких бедрах.

Мила еле слышно цокнула языком, прижала ворот блузки на шее, вернулась к списку вопросов и попыталась сформулировать ещё один — теперь уже напрямую о Нине и об их «игре».

В дверях ресторана под крышей отеля уже стоял Константин с Женей — страж перед входом в императорский дворец.

— Сумку, телефон, диктофон и что у тебя там есть — всё отдай Жене. Просто разговор без записи.

Мила сняла с плеча сумку, вынула телефон из кармана и прижала к груди блокнот.

— Писульки свои можешь оставить. Всё равно наброски утром будут у меня на столе. Вопросы о творчестве, развитии группы и заключительном концерте в центре сюжета.

Мила стиснула зубы, но сохранила маску спокойствия на лице.

— По таймингу: у вас будет два часа, потом мы едем на финальную репетицию на стадион. Всё, время пошло.

Константин пропустил Милу вперёд.

Осенний дождь заливал высокий стеклянный потолок ресторана. В зале — ни души, только официанты у стен и бармен за золотой барной стойкой. Виктор сидел в алькове из ткани и цветов на бордовом бархатном диване в форме буквы «С». Он помахал ей, подозвал к себе. Она сделала первый неуверенный шаг через порог, но тут же собралась с мыслями, подошла к Виктору и присела на край полукруглого дивана.

Вместо приветствия Мила выпалила:

— Константин сказал, у нас есть два часа.

Виктор откинулся на спинку бархатного дивана и посмотрел на часы.

— Думаешь, слишком много? — спросил он, не глядя на неё, разминая шею. В этом движении была грация усталого хищника в клетке.

— Мало, — тихо, но чётко произнесла Мила, открывая блокнот. Страница с её ночными «каракулями» мелькнула перед глазами. «НИНА», «ПРОКЛЯТИЕ». Она быстро перелистнула.

Виктор молча налил воды. Лёд зазвенел, нарушая тишину. Когда он протягивал ей бокал, его кадык дрогнул:

— Ты сегодня устало выглядишь.

— Плохо сплю, — Мила взяла бокал из его рук.

— Знакомо, — Виктор отвёл взгляд.

— Начнём? — Не дожидаясь ответа, она упёрлась взглядом в первую, «безопасную» строчку в блокноте. — Ваша музыка и есть ваша жизнь. Вы сами сочиняете слова и мелодии.

Вы пропускаете через себя каждый момент создания произведений. Насколько вам, как артисту, — она нажала на это слово, — сложно делиться с публикой своими переживаниями?

Виктор медленно поднял на неё уставшие глаза.

— «Ваша музыка», — повторил он её интонацию, слегка передразнивая. — Константин велел тебе спрашивать о творчестве, о музыке? О планах и концерте? Но где твои вопросы? — он едва заметно кивнул на блокнот. — Давай условимся. Отбросим «вы», меня бесит официоз. Я обычный человек, и сейчас мы можем просто говорить. Если, конечно, ты готова слушать не про «творчество», а про то, что было до него.

Мила кивнула, поднесла бокал ко рту. Ледяная вода ударила по дёснам, заставила судорожно сглотнуть.

— Хорошо, — хрипло выдохнула она, отставляя бокал. — Поговорим про человека. О том, как из того, кто стоит на сцене, лепят идола, используя достаточно простые маркетинговые манипуляции.

— Улавливаешь суть, — удовлетворённо кивнул Виктор. В его глазах мелькнуло уважение. — Я — продукт. Отлично отлаженной, дорогой системы. И я это осознаю. Это первое, что убивает в тебе... человека.

Мила покрутила ножку бокала в пальцах.

— А второе? — спросила она, глядя не на него, а на игру света в хрустале. — Что убивает человека во вторую очередь?

Виктор помолчал, его взгляд упёрся в струящийся за стеклом дождь.

— Когда он кричит о своих проблемах, надрывая связки до крови на языке, а его не слышат... Потому что крик уже часть шоу. А боль... боль остаётся за кулисами. Никому не интересная.

Мила почувствовала, как что-то ёкнуло внутри: «Боль за кулисами. Это же про него. Про его песни и его любовь к Нине.»

— Что же делать человеку, когда его не слышат? — Мила закрыла блокнот, разговор пошёл сам собой, она почувствовала, что ей не нужны подсказки.

— Есть много способов уйти от реальности. Не знаю, зависимости, алкоголь... религия?

— Или можно... — она запнулась, — Сделать боль частью себя, а крик оставить для шоу, но вложить в него смысл. Чтобы те, кто видят за «продуктом» человека, услышали бы сквозь этот крик и ту самую боль. И смысл.

Она не посмотрела на него, но почувствовала, как он замер на секунду.

— Смысл... — медленно повторил Виктор. — Вот что теряется...

— А изначально он был? Или просто сброс эмоций?

— Конечно был. — Виктор сухо посмеялся. — Он и сейчас есть. Если вслушаться.

— Я слушала...

— И?

— Честно?

— Без честности тяжело.

Она наконец подняла на него глаза. Он не сводил с неё взгляда, гипнотизируя.

— Я слушала очень внимательно. И мне кажется... ты не перестаёшь говорить о своей боли. Даже если для всех вокруг это всего лишь шоу. Но плата за это... — она сделала паузу, — ...плата в том, что ты остаёшься с собой наедине. Словно в коконе. А система, контракт, расписание — они лишь удобный способ объяснить себе, почему у тебя во взгляде такая отрешённость. Простое объяснение — «я знаю, что я часть большого механизма». Ты прячешься за этим, за пустотой.

— Тишина в голове. Вот, что я прячу. Раньше там были образы, яркие. А сейчас, я словно под водой.

— И давно ты тонешь?

Виктор пожал плечами.

— Лет пять. А может дольше. — он сморгнул, глядя в свой бокал. — Отличный заголовок для статьи в «Конструктиве» — «Тонущая звезда», да?

— Если бы твои песни не были в лидерах по прослушиванию, то да. Но здесь подойдёт другой заголовок: «Что он прячет в тишине».

— Апатию. Безразличие. Ненависть. Это первое, что приходит на ум.

— Ненависть к себе или к тому, что вокруг?

Виктор закусил губу, и на его щеке снова появилась ямочка.

— К тому, кем я стал. Я хочу вернуть того парня, который был раньше, но не могу, сколько ни пытаюсь.

— Ненависть к тому, кем ты стал... Это звучит как наказание. За что?

— За то, что я был слишком наивен. Глуп.

— Наивность — это одна из сторон невинности. Она утеряна?

— Думаю, да.

— Когда это произошло?

— Когда я поставил подпись под контрактом.

— Твоя мечта разрушила тебя?

— Она привела меня к тому, что есть сейчас.

— К апатии и ненависти?

— Мне нравится, что ты меня слушаешь и слышишь.

— Это комплимент?

— Скорее, просто честность.

— Честность... — повторила Мила, смотря на него, пытаясь разглядеть что-то за завесой его слов. — Она ведь бывает разной. Можно быть честным про контракты и про сцену. А можно... про то, что происходит не в бизнесе, а в душе.

Она сделала паузу, дав ему возможность её перебить, отшутиться. Он молчал, и в его взгляде застыло напряжённое ожидание.

— Ты сказал «лет пять». Ты тонешь пять лет. Пять лет назад... вышел твой третий альбом. Тот, на котором ты впервые запел не о победе или открыл для всех свою трагичную историю, а о... растворении. Где появился её голос. И после этого альбома... твоя музыка изменилась навсегда.

Она не произнесла имя. Она говорила о музыке. О фактах из его карьеры, которые он не мог отрицать. Но каждое слово было заточенным кинжалом, направленным в сердце его тайны.

Он медленно кивнул, признавая силу удара. Она поняла, что последний барьер защиты снят. Дальше никаких тайн, никаких метафор и недосказанности. Она медленно выдохнула, боясь пошевелиться, спугнуть, разрушить момент.

— Третий альбом, — тихо сказал он, глядя куда-то в себя. — Да. После него... многое изменилось. Не только музыка.

Он замолчал. Его руки, до этого теребившие рукав пиджака, теперь лежали на столе, ладонями вниз.

— Ты права. Всё началось тогда. — Он поднял на неё взгляд, пугающе долгий, и ухмыльнулся, возникшим у него в голове образом. — Но если ты думаешь, что я сейчас начну рассказывать сказки о большой любви, то ты ошибаешься. Нина... Нина была не сказкой. Она была болезнью.

Мила дёрнулась.

— Болезнью... — повторила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Смертельной?

— Точно без шанса на ремиссию. С ней... со мной... было невыносимо хорошо и одновременно очень плохо. До тошноты. До такой степени, что хотелось, чтобы это прекратилось. Потому что так не бывает. Так не должно быть. И когда это... Когда её нашли... Я почувство-

вал, что меня лишили части себя. С тех пор я ищу, пытаюсь восстановиться в каждой песне, в каждом крике, в каждой бутылке. Но не выходит. И от этого тишина в голове становится только громче.

— Но не стал ли ты терять себя еще до её... исчезновения. Еще на третьем альбоме. Всё, что ты прятал внутри, стало товаром.

— Да, — его голос сорвался, стал грубым. — Я был готов тогда ко всему. К волне ненависти, осуждению, обвинениям в том, что мы скатились в «попсу»... Ведь это было что-то сокровенное, чем я делился с миром. Нина... она меня вдохновила на этот шаг. Но вместо ненависти, я стал получать по почте нижнее бельё новых фанаток. — Он горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько саморазрушения, что Милу передёрнуло. — Вот и весь итог — фетишизация, сводки о продажах. И тишина, которая наступила после.

Мила перехватила его взгляд, не давая ему спрятаться в этой горькой маске непонятого идола.

— Понимаю, — тихо сказала она. — Ты говоришь про бельё и продажи. А на той демо-записи с Ниной... Там была страсть. А в её... в её шёпote была власть. Она владела тобой, твоими мыслями, ведь так? Иначе бы ты не почувствовал себя смертельно раненым после того, как её нашли.

— Она была той, кто открыл мне себя. Настоящего. Кто смог увидеть во мне не просто парня с успешным альбомом, а пересобрать меня заново. Ты понимаешь?

— Нет. Но очень хочу понять. Почему... Что она сделала, чтобы раскрыть тебя? Просто управляла? Или... Направляла?

— Она дала мне то, чего у меня никогда не было и больше не будет. И я сам в этом виноват.

— Почему ты чувствуешь вину? — её голос был тише шёпota.

Он провёл ладонью по лицу, пытаясь стереть с себя невидимую пелену.

— Я... — голос сломался. — Я всё разрушил. Всё, к чему она прикоснулась. В том числе... и её.

Пауза. Тяжелее свинца. Он сказал это. Не «отношения», не «мечту». «Её».

— Я не мог остановиться, — продолжил он, уже не глядя на неё. — Даже когда увидел, что это... что она... ломается. Я был слишком слаб, слишком эгоистичен.

Он поднял на неё глаза:

— Теперь мне остаётся только одно. Уйти на пике. Сделать этот последний рывок и превратить всю эту... эту боль в легенду. Чтобы хоть что-то имело смысл.

Милу охватил страх, обостривший слух до предела. Он только что дал ей не улику, а формулу преступления. «Я разрушил её. Видел, как она ломается. Не остановился.» Всё остальное — «болезнь», «тишина», «последний рывок» — было лишь симптомами этой формулы. Он выстроил для неё всю цепочку. Осталось только найти способ и причину. И он, кажется, был готов рассказать и об этом. Она сжала салфетку на столе холодными пальцами и попыталась сглотнуть сухим языком.

— Ты сказал «я был слаб». А сейчас? Готовясь к этому... последнему рывку... Ты чувствуешь себя сильным? Или просто уставшим от собственной слабости?

— Я чувствую, что единственное, что у меня осталось — это тишина. И она даёт мне силу для заключительного концерта. И я хочу, чтобы хоть кто-то смог запечатлеть меня таким, какой я есть. Ни живой, ни мёртвый. Просто сломленный человек, который устал быть таким.

Мила медленно взяла блокнот в руки и прижала его к своей груди.

— Тогда, Виктор, — её голос прозвучал с ледяной, беспощадной ясностью, — давай договоримся. Я не буду писать про «легенду». И не буду писать про «сломленного человека». Я напишу правду. Про болезнь, которая называется любовью. Про власть, которая ломает. И про тишину, которая становится единственным ответом. Но. Ты должен дать мне время её напи-

сать. Теперь ты для меня — живой источник. Это моё условие. Без намёков, образов. Чтобы я не докапывалась до каждого смысла. Просто поток твоих слов. И моё перо, мои заметки, которые никто не увидит до выхода статьи. Я хочу знать всё, что было. Только тогда я смогу написать о тебе настоящем. Мы будем говорить с тобой, будто знаем друг друга сто лет. Или будто мы — незнакомцы в поезде, которые открываются, зная, что потом не встретятся никогда.

— ...Потом не встретятся никогда, — Виктор улыбнулся и впервые в его глазах появился интерес. — Меня устраивает быть таким источником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.